

Е м е л ь я н

М а р к о в

Д а л ь н я я

К о м н а т а

Емельян Марков

ДАЛЬНЯЯ КОМНАТА

Москва Летний сад 2023

УДК 82-21+82.14
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
М26

16+

Емельян Марков

М 26 ДАЛЬНЯЯ КОМНАТА. — М.: Летний сад,
2023. — 224 с. - (Плавучий мост).

ISBN 978-5-98856-537-6

Марков Емельян Александрович (1972). Поэт, прозаик, драматург, критик. Родился в Москве. Рос в атмосфере столичного андеграунда и на Верхней Волге под Тверью (Калинином) в сельско-маргинальной среде. Богема и социальные закоулки — два вектора судьбы и творчества поэта.

Автор шести вышедших книг. Лауреат Царскосельской художественной премии 2007 г.

В книгу «Дальняя комната», состоящую из двух частей, «Первый быт» и «Имя реки», вошли избранные стихотворения 2020-23 гг, а также две поэмы, написанные в этот же период.

Поэзию Емельяна Маркова характеризует особое чувство современности, настоящего момента в контексте реалий разных эпох.

ISBN 978-5-98856-537-6

УДК 82-21+82.14
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

© Марков Е., 2023

© Издательство «Летний сад», 2023

I

ПЕРВЫЙ БЫТ

ПЕРВЫЙ БЫТ

Первый быт, он брал измором
И приподнимал с земли.
Плакал леший за забором,
Когда плачет, он звенит.

Этот звон стоит как бочка
И заходит на глоток.
Жили мы тогда заочно,
Шел реки большой отток.

Наполняла она раны
Провалившихся запруд.
Подтекали кровью краны,
Кровью заржавевших руд.

Растворенной акварелью
Лес сосновый помавал,
И лиловое варенье
Круг тянуло на овал.

В обнуленном том овале
Обретался первый быт.
В незаконченном скандале
Был никто не позабыт.

УЖИН

Как двух птенцов в одном гнезде,
Детей креветками кормили,
И бронзовый Орфей на лире
Играл. Еще подсвечник здесь

Стоял на полке в плотном мраке
Рембрантовского бытия,
Его пещерные огарки
В ручонках мяли ты и я.

Мы воск, как плоть, передавали
Друг другу, как живой бутон,
И Эвридики из глубокой дали
Я слышал сокрушенный стон.

Зачем сейчас я обернулся,
Увидел ужин, бронзу, воск?
Я с прошлым снова разминуся,
Где с Алейт повенчался Босх.

Ему вручила реликварий
Она всех подзабытых игр,
И алла прима бестиарий
Открылся на предвечный миг.

ПРОШЛОЕ ВИНО

Погашено вино.
Засвечено окно,
Запятнано, как фосфором, наотмашь фонарями,
Там снег до дна дворов ныряет.

Погашено давно,
Наверно, — не дано,
Или дано сверх всякой меры,
Хотя не выznать сроков эры.

Потом, потом
Найдется тон
Для этих переменных тягот,
Для праздников и ярких стягов.

И — море, море, как всегда,
Лицо омоет гулкая вода,
Как рана расцветет улыбка,
Что без вина теперь залипла.

***

Ребячливый азарт смерти
Отремонтировал прошлое.
В зеркале он в фас заметен,
Как в профиль подбородок скошенный.

Человек постоянно возвращается,
Как после зорьки на лодке к берегу.
Так на картине Верещагина
Убитый не изменяет бегу:

Продолжает атаку по яркому
Солнцепеку в белой гимнастерке,
Хотя ему пора, как якорю,
Лечь на дно распростертым.

КРАЙ

У самых Райских Врат
Она сошла с ума.
И полетела в ад,
Как бабочка, сама.

Но адский вихрь вдруг
Откинул ее прочь.
И сном, как добрый друг,
Накрыла ее ночь.

А утром первый луч
Позвал ее за край.
Шепнула: «Ах, не мучь!»
Ответ был: «Это Рай».

ПРЯМОХОЖДЕНИЕ

1

Вылезает из улья
Золотой Богдыхан,
Он заранее умный
И заранее пьян.

Развеселый младенец,
Ужас просится в смех,
Бубенец ему цедит
Молоко в пухлый снег.

Из подводной утробы
Цвета вымытых рук
Для посильной работы,
Для размеренных мук

Он упрямо выходит,
Давит бычистым лбом,
На космическом холоде
Серебром шьется боль.

И в тепле восковом
Зажимая лучи,
Он широким мазком
На холсте закричит.

Мир положен на холст,
Он, как камень, горюч.
Поднимись во весь рост
И пойдя с вечных рук.

Как с качелей, сойдет.
Сходит так свежий йод,
Ходит так за водой
Дед с немой бородой.

2

Глубина, как гамак,
И лебяжьи глаза —
Черным веком, как мак,
Как за роцей гроза.

Сольфериновый шелк,
Соскользнувший с бедра,
Торжествующий шок,
Так приходит беда.

У бедра испокон
Шелк волною алкал
И забытый покой
На ходу вспоминал.

И забытый покой
Вполпути настигал,
Чистым цветом левкой
Веки ярко стегал.

3

Только бронзовый век
Не о том наставлял,
Отдалением вех
Он предсказывал сталь.

Камень, сталь и огонь,
Соль в планетной воде,
Ускользящий горн
Затрубил в наготe.

В наготe нет греха,
Но хранится в ней страх,
И картинка легка
В леденцовых кострах.

Тонет в море река,
Как молочный щенок,
Сохнет плач на устах,
Сходит краскою с щек.

Но в запястье рука
Знает пальцев щепоть,
С маeтой паука
Шепот выучил плоть.

Не поставлю: «конец»,
Не иду на коктейль.
Большеротый птенец
Из гнезда улетел.

ЛАНЬ

Эта лань будет к вечеру съедена львом.
Но пока она смотрит в потемки зари,
Ты в глубокое лоно маренговых волн
До агонии мутной сейчас посмотри.

Лань ответит на твой неуживчивый взгляд,
Ведь тебя рядом с ней под акацией нет.
И опустится жидкое солнце назад
В звон сиреневый заспанных молний и лет.

И закатная яркая знойная кровь
В страшных звуках сцепленья клыков и костей
Потечет алой лавою в облачный ров
Мимо хищных повадок и злых скоростей.

Ты способен увидеть, когда тебя нет,
И способен услышать тугой горизонт.
Это детство, обида, надежда и бред,
Это вера и ужас, но это — не сон.

КОРИФЕЙ

Я видел, стоя на оркестре,
Вас каждого, мои друзья.
Играл я из Эсхила место,
Над театром облако дразня.

Оно взирало изумленно
С холодной синей высоты,
Остановившись над землею
Ради заглавной простоты.

Мир замер. Мне друзья внимали,
Когда я странно замолчал;
Они молчанье понимали,
Как я их верность понимал.

Я простоял тысячелетье.
Потом второе изошло.
Но мне под взглядом человеческим
Здесь на оркестре хорошо.

ОЛОФЕРН

Моя судьба мне встала на чело,
Юдифь, звезда моя над гробом.
Я жду меча, но с нею мне светло,
И жребий мой я вижу добрым.

Ведь я с младенчества ее любил,
Искал в сверканье темноты глазами.
Пока мне меч главу не отрубил,
Я полумертвыми уже устами

Ей улыбаюсь под прохладною стопой;
Мне кудри обметало пылью.
Меч поднят, я своей судьбой
Доволен. Поднят меч как крылья.

ПРОСОДИЯ

Стеклярус мерзлых трав —
Уложенные гривы
Ночного табуна
В испарине утра.
Здесь солнце, как на Марсе,
Не греет, светит криво
Без меда и вина.
Но в тесноте проходит
Сквозь утлый березняк
Живая бирюза.
Курьезная просодия
Дала мне верный знак,
Чтоб это не бросал.
Живые ветки кроны
Округлой, как кораллы,
Голодные, как корни;
В аду ужасном Данте
Настал чудесный Рай
Помимо древней кары
И высеченной даты
Заживших ран.
Зеленые синицы
Снуют в дремучих сучьях,
Отдельные листочки
Желтеют, точно воск,
Душа на всякий случай
На лавочку садится,
И в воздух кровотоцит
Калины синий сок.

ЛЕШИЙ

Мне ли мыкаться в убранстве
Тех разросшихся кустов?
Или завалиться в братство
Знойных васильков?
Мне ли впасть обратно в детство,
Задом наперед туда,
Где простуженное девство
Ландыша и хвойная вода?

Отвечает зверь косматый,
Местных топей бог:
«Девство ландыша когда-то
Ты не удержишь».
«Что ж, — киваю я уныло. —
Хорошо, мой друг,
Что хоть ты, кошмар мой милый,
Отвечаешь вдруг».

ЖЕРТВА

Всё труднее к жертвоприношению
Мне с рассветом праздничным идти
С душным из цветов венком на шее
По знакомому, как сон, пути.

Я из твари в тварь переселяюсь,
Скорбный, своенравный дух.
Вновь топор над шеей засияет,
Выбирая всё одно из двух.

Пала голова на землю,
Потухают в синий мрак глаза.
Люд вокруг заметно веселеет,
Чтоб потом не посмотреть назад.

Но опять я с духом крови
Восстаю над обмершей толпой.
Я ее забвением покрою,
Как покроет ржавчина топор.

Память суеверного народа
Не встревожит будущих племен,
Лишь печальней будет год от года
Звук прославленных моих имен.

***

В серии ЖЗЛ А. Кони,
В зоопарке нечесаный пони,
Лепестков у цветика семь,
Веранды прогулочной сень.
Томленный альбом Эрмитажа,
Спички и мокрая сажа,
Дух дождевых червей,
Атласная дама червей,
Стеклянный в пригоршне жемчуг,
Мурашки от шепота женщин,
Залипший в трахее бронхит,
На ложке талый пломбир,
В муаре почтовые марки,
Джон Леннон и Пол Маккартни.

МАНДЕЛЬШТАМУ

Твои стихи как будто бы глазами
Я фокусирую, чтоб видеть четче,
Хотя они, как титла над азами,
Отчетливы, как постук четок.

И я гляжу сквозь марево над садом,
Над розами, что вечно густо-алы;
Потом устану, на скамейку сяду,
И буду думать, что мечта настала.

Что все предметы, раздвоившись, снова
Вошли в свои прекрасные пределы,
Что жизни достоверная основа
Для общего, как есть, пригодна дела.

***

Нас вынесет к немным берегам,
Уверен будь в сплошном тумане.
Мы не молились сумрачным богам,
Не забывали о родимом талисмане.

Мы не рабы, рабы не мы, —
Ты знаешь это правило успеха,
И среди зрячих, но немых
Мы не сдержали праведного смеха.

Ты скажешь: всё. Приблизился конец.
Совсем потух маяк в тумане.
Я не оракул и не спец,
Но берег — чувствую, хоть берег в тайне.

Мы ткнемся килем в скрипнувший песок,
Заблещет знойным золотом обитель,
И подойдет внезапно срок,
Когда к нам выйдет Победитель.

***

Певице Маргарите Писаренко

Страсть изнуряет, падает звезда
На дно небесного колодца,
Пускай по пояс там вода,
Она не может расколоться.

Цепное полетит ведро
В литании отчетливой соцветий,
Не будет после и не будет до,
Останутся минуты эти.

Я понимаю вечности покой
Лишь краем полнокровного сознанья,
При мне, красавица, не пой,
Пока друзей всех не созвали.

Они придут, ты запоешь,
Взовьется золотая нота.
И будет вечер так хорош,
Что встанет на колени кто-то.

РЫВОК

Остался мне один рывок.
Я падаю, тюремщики не знают,
Что Овода печальный рок
Ужасен не судьбой, а снами.

Печален тем, что сны прекрасны так,
Что явь, звенящая цепями,
Существования есть четкий знак
Лежащему в могильной яме.

Я не в могиле, но моя тюрьма
Была уже отлаженной могилой,
Где я, от жажды жить томясь,
Переполюлся гневной силой.

И вот — побег. Единственный рывок
Остался у незапертой калитки.
Но вдруг болезнь в свой точный срок
Меня свалила на цветную плитку.

Опять я сплю, и свежий холод гор
Приснился, опустилось небо.
Тюремный приближается дозор.
Так был свободным я? Рабом я не был.

МОКРАЯ УБОРКА

1

Мокрая уборка.
Я задел предмет,
Что поставлен боком —
Быта рудимент.

Что же это, что же?
Глянь через плечо.
Час в уборке прожит,
В дело вовлечен.

Рвется мимо время,
Но уборка — всласть.
Тряпкой время мерю,
Как скольженьем ласт.

Холоднее краски,
Ядовитей тон,
Цвета свежей ряски
Рыбок полусон.

Что же это, что же?
Зеркало, ответь.
Призрак тертой кожи,
Рукава вельвет.

Трещина в гитаре,
Этажерки стать,
Потолок подталый,
Рыхлая кровать.

Зеркало с улыбкой,
Строгой и прямой,
Указало ликом:
«Шкафа дверь закрой».

2

Сочинял Губанов*,
Как еловый дождь,
Как парок из бани,
Как сырая рожь.

Прошлое он вымыл
Тряпочкой простой,
И набрякло вымя
Пятничным постом.

Ярче стали доски,
Резче купола,
Разыгрались в кости
Впалые поля.

Вымыты игрушки
Хлеще хохломы.
Пряные избушки,
Веселеем мы.

Да, мы веселеем,
Не смотри всерьез,
Бедные селенья —
Логово для роз.

---

* Поэт Леонид Губанов (1946—1983).

Покажи обитель!
Вот она, смотри.
Если не в обиде,
Рукавом сотри.

Плакал так Губанов,
Насухо смотрел,
Затянулась рана
Под сырую трель.

Мы пересидели,
Выждали момент.
То-то будет дело,
Шитый позумент.

То-то будет правда
Каждому ясна.
Ты гляди, не падай,
Будет не до сна.

ОТВЕТ ПО ТЕЛЕФОНУ

Анне Кориной

Нет, конечно,
Господь с вами.
Просто долго было занято.
Хотя не вечно.
Поймите сами.
Просто время кем-то нанято.
А так и речи
Нет. Поверьте,
Имярек, злые кудри,
Добрые вишни,
Прошлая удаль,
Но вы не лишний,
Утро измерьте.
Я хотела...
Помимо кружев,
Всё уже и уже,
Помимо тела —
Выразить...
Тупое слово,
Тугое моно,
Не стерео...
Да, я хотела.
Тогда — прощайте,
Не здравствуйте,
Не до свиданья.
До счастья,
До радости!
Говорю заранее.

КАМЕНЬ

Для камня наша плоть и наша мысль
Мелькают, как мгновенное зерно,
Он неразрывным видит с морем мыс
И миллионы дней ему как цельное звено.

Он видит, что посажена на золотую цепь
У Солнца загрустившая Земля,
И различает пламенную цель,
К которой правит звездная зима.

Он знает день и знает час,
Минуту держит как мечту,
И к счастью он подводит нас,
Как Артура к призывному мечу.

***

Казались все твоими масками,
И — глубока под ними кровь.
Трепался в полдень ветер маками,
Вбегая под прохладный кров.

Смеялась, словно мышь летучая,
Садилась, как дитя к жуку,
Скучала под густыми тучами,
Подкрадывалась к звонку.

И грозно говорила глупости,
Чтоб томно выплакать в ладонь,
А после своевольной грубости
Брала изящно валидол.

Ты на качелях ноги свесила,
И радость эта, как испуг,
Шла полуголая пролесками
И выходила так на луг.

Без срама, без раздумий, заново
Глаза отводишь как бы вдаль,
И объясняться вечно рано нам,
Раз прошлое случайный дар.

ВАСИЛИСК

Во взгляде синем василиска
Я вижу жертвенный уклад.
Когда рука над ним зависла,
Он рухнул, пораженью рад.

Он что-то телом прикрывает
От суеты чужих утех
В пустыне, милом ему крае,
Бесплодном рае не для всех.

Его поверг я первым взмахом,
Но жалость разметала гнев,
Мне грязная его рубаха
Привиделась — как первый снег.

Он взглядом породил пустыню,
Он вздохом обошел ее,
И яд в глазах под небом стынет,
Как василек отброшенный.

***

Святое женское упрямство,
В нем произвол и постоянство,
В нем гнет наследственных времен,
Который прошлому вменен.

Она вдруг начинает думать,
Что ничего не изменить,
Светло в глаза врагу не дунув,
С земли не взяв рукой змеи.

Она — берет. Одновременно
Уместным кажется ей взмах,
Над головами граждан бледных
Она поднимет новый флаг.

Змея во флаг преобразится
И лица все позолотит.
И кто-то страшно поразится, —
Он вскрикнул и опять затих.

Яйцо в ее руке краснеет,
В ногах разлапистый огонь.
А небо без конца синее,
И ярко хлещет в него горн.

Она идет с улыбкой странной
По мостовой, как по плечам,
Она проснулась слишком рано,
Дав отоспаться палачам.

Она заранее готова,
Сжимает линию ладонь.
Хранит орудия Кордова,
Той муки ледяной не тронь.

Руан отверст для обозренья,
Высок в Париже эшафот,
По Риму — мрак, блуждают звери,
Цепей обугленные звенья,
Лишь мреет мраморный живот.

Но утро ждет, и замер полдень,
Она опять легко идет,
И путь наполовину пройден.
Но кто ее победы ждет?

Ей уготована победа,
Она ее тебе отдаст.
Вот ты стоишь, немного бледен,
Спокоен, ты ведь ждать горазд.

Так поступает героиня,
Ей помешать нельзя никак.
Ее расслышанное имя
Как роза в жилистых руках.

УЖАСЫ И ЧУДЕСА

Все ужасы и чудеса начинались, когда засыпала бабушка,
Но после смерти она не спит.
Она напевала кружевные баю-баюшки.
Надорванные кружева, и — штангист сипит,
Жилит жертвенную шею, как над струнами Высоцкий,
Взывают белыми шарами театральные огни,
Не дойти до Котельнической высотки.
Уходя от уединенной погони, ее обогни,
Выйдешь к чистому эксперименту Яузы.
Она — как макет один к десяти.
В ней всегда пусто, плавают только паузы,
Можно наловить и домой принести.
Бабушка не спит, таращится спросонок.
Я ей из коридора: давай чайку!
А она: так уж мал мой миленок,
Каляки-маляки.... Ох, сейчас чихну!

***

В который раз несправедливость
Неслышной сапой подошла.
Стоит, как будто пристыдилась,
Но с вызовом в лицо дыша.

И смотрит что-то: не отводит
На мокром месте черных глаз,
Они взирают скупно, твердо
И беспощадных ждут прикрас.

Мне подобрать ключи пора бы,
Чтоб выходить в другую дверь,
Но в гнете древнем, туге рабьей
Я крепко верю в дребедень.

Я верю сердцем в пережитки,
Не управляюсь с куражом,
Мусолю разные пожитки
И сломанным карандашом

Строку запечатлеть пытаюсь:
Заклятие, девиз, пароль;
Присяжный день, заметно старясь,
Играет молодую роль.

Приподнимает выше небо,
Как черный зонт с дырой луны,
Замазывает стыки снегом,
Выводит в темноте нули.

А я с кроваво-винным вздохом
Смотрю в капризные глаза,
Как будто бы обратным ходом
Перегоняю поезда.

Идет порожняя работа,
Вагоны времени пусты.
Мне зеркало прошепчет: «Вот он!
Прошел контрольные посты».

***

Открылась дверь со скрипом струнным,
Я остаюсь благоразумным,
И то, что полнится простором на дворе,
Заходит желтым озареньем в сентябре.

Плотней воздушная мембрана,
Но можно сквозь нее пройти.
Пускай до странности темнеет рано,
Нам желтый двор посветит на пути.

Здесь дальний куст как будто под рукою
И ручкой держит тусклый звон,
Над областью надсадного покоя
Молчит пунцовым кругом зов.

И в этом тесном крае аппликаций
Гербарий спелый в шелесте просох.
В скользющем плеске сдержанных оваций
К тебе вплотную подойти я смог.

***

Ты гость не то чтобы желанный,
Но церемонный до поры.
Нам даль беззвучного пожара
Ночные золотит пиры.

Сидим мы все с одной улыбкой,
Знакомой в бурю фонарю,
Нам график обозначен гибкий,
Толчется шмель в свою нору.

Шмелиный мед, вот наша сладость,
Он помнит всё, как скифское кольцо,
Удастся нам с эпохой сладить,
Не падает колумбово яйцо.

Вот сумерки выходят из деревьев,
В стволах, как за углом, стоят.
Весь проседает утлый сад,
И ржавый шток без флага реет.

Он режет шелк с прозрачным свистом,
На небе тонкий длинный шрам.
А мы, ничейная в отводе свита,
Не верим собственным ушам.

Зато глазам друг друга верим,
В них утро быстро настает,
И голубая кровь из белой вены
В томливой радужке цветет.

ПОБЕГ С ЛУНЫ

Хожу, как по пустому полю,
Оконный снег уволен.
Попытка памяти заставить себя,
Паркетным воздухом свербя.

Трубит Армстронг на джазовой Луне,
Он первый на космической эстраде.
Пусть одинок он, как труба, извне,
Но одинок превыше стадий.

Лапландия, Луна, другие берега.
Пройдя земную жизнь до половины,
С Луны я десять раз сбегал,
И девять раз меня ловили.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Злой снег, ты землемер, ты сдерживаешь злобу,
И, как теленок, замирает двор.
В желании угла, горячего озноба
Ты ищешь входа в темный коридор.
Накроет к вечеру избитая копирка;
С утра ты как бы сухо говоришь:
«Попробуй мне вот только пикнуть!
Тогда, как бурый лист, сожмешься и сгоришь».
И тот, кого ты так стращаешь,
В минуту у окна ни охнет ни вздохнет,
А ты задачки школьные решаешь,
Как будто есть от них тебе доход.
Ты маешься уже, как сумасшедший мальчик,
Растерян ты, как пришлая орда;
И год неспешный в этот месяц мрачный
Готов тебя на откуп мне отдать.

ПРИЗРАК

Мне с Волги ветер ставит градусник
Холодной ласковой рукой
В преддверье новогодней радости,
Что блещет стойко за рекой.

А здесь она, как гостья странная
В немых пророческих лохмотьях,
Не молодая и не старая,
Нетронута, как елка в хлопьях.

Примолкшая, как та же елка,
Оставшаяся без игрушек,
Вдруг шутящая скорбно, колко
Не для соседских острых ушек.

Мне радость эта как чужая,
Полузабытая, как вьюга,
Она как мать, но не рожала,
Ее замешкалась потуга.

Иди ко мне под одеяло.
Уже ты призрак, взгляд оконный,
Ведь мне теперь и горя мало,
Что бредишь ты возле с иконы.

ДАЛЬНЯЯ КОМНАТА

Реи на другом берегу проспекта,
Наземные мачты, снежные паруса
Скручены. Песенка спета,
Хотя звучит без конца.

Иногда это звон. Иногда речитатив деревьев
И сочно скользящих шин,
Это современность, она же — ревность,
Взгляд, достающий до куцых вершин.

Заполняю симфоническое пространство,
Осязаемое окнами и ветвями,
Я сюда словно не вернулся из странствий,
Хотя сторожу здесь углы, подъезды, ямы.

ЦИФРА ДНЯ

Заснеженные мачты, реи,
Закрученные паруса.
И воздух не стоит, а реет,
Подушку хочет искусать.

На полозе зимой колючей
Свежа проточная слеза.
Я крал от снегопада ключик
И на деревья залезал,

Чтоб, тесно замирая, слушать
Кричащие, как через реку, звезды
В мороженые елей уши
И в шишек восковые гроздьа.

Заснеженные мачты, реи
Ветвей и погнутых стволов,
Я день угольником измерил
Под запах вымытых полов.

И день с тех пор не изменился,
Простой такой же, как тетрадь
Линованная, и змеился
Учительницы томный взгляд.

Из черного цилиндра кролик
То возникал, то исчезал,
Привыкнув к смехотворной роли,
Летал стремглав через спортзал.

И, чреватые дворами,
Глотали арки облака.
Волхвы шли с царскими дарами
Без ассорти и балыка.

По проседающей тропинке
Я гулко рвусь из цифры дня,
Чтоб для ответа без запинки
С камчатки руку поднимать.

***

Алмазная икра сверкает пресной солью
На створчатом стекле двойной очистки.
Я просыпаюсь, снилось... ай эм сорри.
Круглятся леденеющие числа.

Симфония зари расписана по номерам
С добавкой резкого лимона,
На всех морозных кронистых парах
Провозглашает тему, как с амвона.

Машины скрадывают гул, как взгляд.
Я выхожу в тенях и бликах, как в пижаме,
Я для примера жизнью взята,
Чтоб рассказать о ней слегка жеманно.

Стою, смущаюсь, оттого и злюсь,
Я не причесан, думаю о ночи.
Мороз сильней, а я как будто льюсь,
И прочее, и прочее, и прочее.

ПЛОТЬ

1

Тот принц на белом скакуне
Не вырвется из леса.
Ты понимаешь, что — конец
И нищете, и блеску.

К тебе подходит друг судьбы
И падает, как друг позора.
Не докоснется страх губы,
Касается игла узора.

В белесый просится туман
Измотанное лаской тело.
Наверно, это от ума,
Не новая, наверно, тема.

Мы в лес зашли не по грибы.
Когда мы там ходили,
Тонули легкие гробы
В растаявшей под ливнем глине.

2

Иду я по дверному скрипу,
Идет лучом холодным дверь,
И месть зовет из мрака хрипло:
«Ты прошлое с узором сверь».

Уходит тайный знак свободы,
Последний шаг стоит в дверях,
И запах всей житейской воблы
Напомнил о былых дарах.

В проем я выпал вертикально,
На голове впотьмах стоял,
Лепилась к глянцу нежно калька,
Никто в прорехе не стонал.

Был слышен живописный лепет,
Затекший ближней зыбью в грудь.
Надежды достоверный слепок
Дал ненапрасный сердцу труд.

3

Вспоминается быль как икона,
Щурюсь пристально, глядя в нее,
Снова царствует буква закона
И готово для далей гладье.

Для сгущенных запекшихся красок,
Лепестков и ресничек витых,
Для разъятого набело пляса,
Очертаний объемно влитых.

Потому всё так славно готово,
Что доносится радостный звук
Из разрушенной цвелью ротонды
Для пристыженных временем рук.

Поднимаю жизнь над лесом,
Облака над Сакре-Кёр,
Наслаждаюсь этим весом
Лести дня наперекор.

А потом была изнанка,
День оставлен на потом,
Идеальная осанка
И одежда в странный тон.

Это быстро, словно выстрел,
Смысл слова по длине.
Это было очень быстро,
На войне как на войне.

Но война уйдет в овраги
К незабудкам на поклон,
Я в медлительной отваге
Выхожу наперекор.

Здравствуй, милая страница,
Протяни свою ладонь,
Клюв вонзает в раму птица,
Встань и раму тоже тронь.

Это, понимаешь, рама,
То стена, а это дверь.
Мы проснулись слишком рано,
Рану мне свою доверь.

Ты ее в ладони носишь,
Синий сок синица пьет.
Попадает твой кокошник
В необычный переплет.

Ты представила предметы
И они явились враз.
Верю только в те приметы,
Что прекрасны без прикрас.

ПОБЕДА

Иероглиф будущего четок,
Стоит чуть выше горизонта,
Играючи лохматит челку,
Как травку пыльного газона.

Сам быт, как образцовый символ,
Подловит на малейшем жесте,
Предаст с бессильем вместе силу
И выпустит во мрак манжеты.

Вся выправка почти завидна,
Почти пригодна для подъема;
Февральские наступят иды
С пустынной му́кой ипподрома, —

Когда готовы к старту кони,
Не ведая ничуть об этом.
И шею лидер кротко клонит,
Не представляя миг победы.

ОТПЛЫТИЕ

Набухает пространство как парус,
И несет к горизонту обшарпанный пол.
Я об этом нисколько не парюсь,
За окном стынет мачтой безлиственный ствол.

Здравствуй, друг мой, безлиственный тополь!
Ты несешь в наисамую светлую даль.
И матросов по палубе преданный топот
Я сквозь сон различаю как песенный дар.

Все готовы и ждут лишь последней команды.
Я встаю, продираю с устатку глаза.
Рынды медный удар, мы отплытию рады.
Солнце в небе, но зреет во взглядах гроза.

***

Память пахнет краснодарским чаем.
Помнишь ночь, огни, половики?
Стыков стук, вагон качает,
Пересохли в тамбурах плевки.
Пусть — не тихо, но зато молчанье
Заспанным дыханием растет.
И обочина с полночным молочаем
Остается, там еще — осот.
Тайна пишется усталыми губами
И проносится белесым рубежом.
Или мы укромно нагибались,
Или лезли, будто на рожон.
Разобрали полки, распихали
По щелям разученный багаж.
Это вера вещая, лихая,
Это радости больная блажь.
И теперь так пахнет чаем память,
Что заварка просится в ладонь.
Не коптит голубенькое пламя,
Но течет дорожный гнет в поддон.

ГОЛОС

1

Вскрывает музыка воздух,
Идет как конквистадор,
Разрывает плотную воду,
Вытаскивает на простор.

Смотрит дельфиним глазом
На потекшее со стола яйцо
И на побледневшее разом
Испуганное лицо.

Утешься хотя на минуту,
Тебя я поцеловал,
Ты вспомнишь об этом утром
И превратишься в овал,

Летающий в открытый воздух,
Как заспанная душа,
Солнцем окрасится роза,
Морю в глаза подышав.

И снова с тягучим плеском
Пойдет работа всех нот,
В отважной охотливой спеси
Сбиваясь с волшебных ног.

2

Я целую твои больные ноги,
Ты жадно молчишь,
Такое счастье доставалось немногим:
В грохоте волн найти тишь.

Там, на дне, колдунья
Держит в склянке твой голос.
Мы идем гулять на дюны
Налево от большого мола.

Здесь, говорят, ты из моря вышла,
Тебя позвал принц.
Теперь воздухом дышишь,
Бьется твоя родина в бетонный пирс.

Принцу ты стала не нужна.
Здесь же тебя потом встретил я.
Ты ко мне стала вполне нежна, —
Как к солнечному свету стена.

Так же ты, как стена, молчишь,
Улыбаешься страшноватой
Улыбкой седых глубин. Лишь
Боль твоих ног мне понятна.

Мне понятна только твоя боль,
Всё остальное остается в тайне
Набегающих издалека волн.
Мы с тобой от счастья устали.

Твоя тайна в черных клешнях
Подводной колдуньи.
Волны мне что-то кричат,
Но ветер навстречу им дует.

***

Сияет колотый десерт.
Эй, налетай, враная стая!
Весной разъят дворовый снег,
Дворцовый он, почти не тает.

Лежит кусками на юру,
Клокочет тихо родниками,
В нем норка проскользнет в нору,
Ты вытащи ее руками.

Как ласково! В душе звезда,
Подкрашенная, словно веко.
А под землю поезда
Ждут с фонарями человека.

БРОНЗОВЫЙ РАССВЕТ

Хорошо в повапленном гробу!
Но пора бы в неизвестность.
Воздуха там запах пресный
Шевелит пристыженно губу.

Изнутри сундук в картинках,
Вещи словно бы в слезах.
Пахнет ярко близкой тиной
В молодецки замерших лесах.

Поднимается огромный призрак,
Слепленный из свежих облаков,
Он — в смолистых тяжких ризах,
Пастырь бронзовых быков.

Впереди река и переправа,
К ней вот-вот я подойду,
Лошадей заложенная пара
Выставляет томно грудь.

Оживает повсеместно бронза,
Поднимает твердые глаза.
И сияет кованая роза,
Глядячи пронзительно назад.

ВИЗАНТИЯ

Приподняты вершины гор
Отверстым у подножий небом,
И византийский твердый хор
Прочерчен загодя по гребню.

Я падаю, но я лечу,
Я вдохом белоснежным поднят,
И чистым золотом плачу,
Считая милостыню полдня.

Следи за мной! Я для тебя
По небу свежему простерся,
И будет луч огнем стегать
По мраморной высокой трости.

Напишется витой конец
По надышавшей небо дали,
И бег растроганных коней
Отдастся кобальтом в эмали.

***

Терракотовые свечи
Плачут темными слезами,
И глотки кристальной течи
Отражаются глазами.

Снег сошел как зуб молочный,
Хочется сойти здоровым;
И не мерзнут больше мочки
В холоде литом, дворовом.

Отверзается улыбка,
Словно дверь, с беззвучным скрипом,
Есть одна того улика, —
Краска в голосе осипла.

Но от этого лишь ярче
Терракотовая нота,
И другую сердце кланчит
Вровень гласному полету.

Подогнулась как колено
У брони иконной свечка,
Губы упование клеит
И берет волной за плечи.

Человеком не гнушайся,
Знай, что прошлое надежно,
Выверенный образ счастья
Писан кистью осторожной.

ПАМЯТЬ

1

В черном яде ноября,
В хляби молнии пропавшей
Лес бытует, теребя
Опрокинутые пашни.

Гранью крепкого глотка
Поворачивайся к лесу.
Эту брагу мне лакать,
Повернувшись боком к лету.

Ты приблизилась впритык
В платье, разом посиневшем,
В горестных смешках литых,
В счастье, разом поседевшем.

Ты сейчас меня простишь
И протянешь птичий веер.
Долго нечего просить,
Отдаешься ты на веру.

Я мелодию запрятал,
Как под кровельную жесть,
На педали встали пятки
И промокла леса шерсть.

Не стареешь ты с утра,
Но прогоркнет ветхий воск.
Солнце гаснет на устах,
Бабе воз, телеге волк.

2

С бабушкой бежали за руку,
Светофор давал надежду,
Как кувшинки (время — на реку), —
Их вода за горло держит.

В страхе лишнего движения
Прошрое. И чем оно страшнее,
Тем прекрасней ужас, жжение
Ледяной воды вокруг шеи.

3

Химическим карандашом
Мне надежда в кожу въелась.
Временный ответ нашел,
Радостный, со вкусом мела.

Остался он во рту как дар
Побелки волн зубам причала.
Страница улетала вдаль
И немо во всю ширь кричала.

Люблю я крайне черный лак
И ягоды цветных горошин,
Пятак, припрятанный в кулак,
И выпуклый букетик броши.

Хороший, Кеша, ты — хороший!
Тебе кидаю томно шаль,
Там мармелад тебе накрошен,
Чтоб песне Кеша не мешал.

Черная бутылка,
Вороненая береза,
Береста затылка,
Ломаная поза.

4

Любовь как лекарство от смерти,
Запах сладкой смуглоты,
Черты я в памяти отметил
Смешков твоих литых.

Облагороженное прошлое
Проклонулось весенним спорышом,
Таинственно подходит к двери
И требует забытой веры.

Это не эстетство,
Это вопрос жизни и смерти,
Это первый вопрос детства:
Чтоб нас никто не заметил.

Верность сдержанна. Я же
Так несдержан с тобой,
На минутку всего приляжешь,
Тянет память к дождю трубой.

5

Интонация неба,
В ней замешкались птицы,
В ней транскрипция снега
И безгрешные лица.

Ты замешкалась тоже,
Встала утром на стул.
Стул от этого ожил,
Замер, снова заснул.

Ты цветы поливала,
Ты поправила тюль.
Тень твоя не упала,
Удержал ее стул.

ВТОРОЕ ЛИЦО

1

До будущего остается час,
В душе чадающий замирает улей.
Начнешь одно с другим сличать,
И третье в сердце залетает пулей.
Я долго ожидал весны
В норе как крот, уютной и укромной.
Дождался я прозрачной высоты
И замер как натруженные корни.
Второе выцвело к утру лицо
И отвернулось к ужасу навечно.
Любуюсь я улыбкой записной,
Ей предрешается Путь Млечный.

2

Мне дорога к другим тополям.
До свидания. Вы
Своих дырявых шляп поля
Трогаете. Привык,
Но сразу как бы уже
Отвык от тщедушной боли,
День был каждый
Как день, не боле.

Царила зимняя змея
И улыбалась шаловливо,
То умиляя, чаще зля
И вероломствуя лениво.

Между синим и зеленым
Я прожил с тобой сто лет.
Знать, достало в пуде соли,
На семь бед один ответ.
Отошла и растворилась,
Как улыбки на окне
Порыжевших в доску листьев,
Изошедших в дождь окрест.
И теперь осталась полночь
В полном смысле части «пол».
Подойдет из тыла помощь,
Раз блестит призывно пол.
Сквозь меня проходит время,
Как улыбка сквозь стекло;
Голубеет злая вена,
И глядит беда светло.

Таинственно расправить ноги
И снова фикус не полить.
Пусть отзвуки весенних оргий
Слышны, но — больше не болит
В пространстве чуткая бойница;
И странным кажется вопрос:
«Ты вроде бы чего боишься?».
Боюсь, что я уже подрос —
На том дворе прозрачном, заднем
И синем, как его земля.
Там солнце тенью точит зданья
И камень точат зеленыя.

Я с корточек легко поднялся,
Заслышал дальний переезд,
Завидел лучевую радость,
Берцовый смерил взглядом лес.

5

Второго нет теперь лица,
Оно ушло за горизонт,
И движется ко мне земля,
Как уцелевший в битве взвод.

В лесу белеет медсанбат,
Гуляют лоси, и белок
Следит с налета как десант,
Сверкая вбок.

В каких-то старых образцах,
В каких-то книгах ни о чем
Я находил себе эрзац,
Прекрасный, словно час ночной.

Я научился видеть сны
И понимать, что это сон,
Мне стены сделались тесны
И стал родным десятым слон.

Второе вымерло лицо,
Как дерева нескладный сорт,
Что мрело, млело и цвело,
Сошло под ноль и на все сто;

И бритый полдень на припек
Выходит, словно первый раз,
Знать, это будет делу впрок:
Педадь, отвес и ватерпас.

Я помню хитростный мотив
Из киноленты про обман, —
Так нежит зло аперитив,
Так льнет рука к губам.

6

ЗЕЛЕНый ЛУЧ

Ты помнишь, мы его ждали
На самом высоком
Балконе. Как жаль!
Чего — не помню. Соком
Горьким грейпфрута,
Холодней медузы в волнах,
Не знающей, сколько футов
Под килем, страх
Отдавал едко. Еще я слышал,
Что зеленый луч зеленей,
Чем самые зеленые крыши
Наиболее образцовых селений,
Городов, подошедших вплотную
К освистанному ветром полю.
И я, как видишь, совсем не лютую,
Только сам с собой спорю.

АРХИЛОХ

Замирают над Садовым облака
И плывут опять на каждом вздохе.
Доплывут, глядишь, так до Балкан
В память о смущенном Архилохе.

Не смущайся, славный Архилох,
Брошен щит, но ты его поднимешь,
Ты от неба временно оглох
По весне, но ты услышишь имя

Собственное. Так устроен мир:
В мраморе прочерчено пространство.
Клонит голову к тебе кумир,
Ждет всегда отчизна после странствий.

Заново, как мрамор, облака
Двинули шмелиным гудом небо,
Трех седеющих сестер клубка
Ты ладонью накрываешь небыль.

ХИМЕРА

Я победил Химеру.
Потом сошел с ума,
Без удержу, без меры,
До самого до дна.

Подумал, что Пегаса
Единственный я друг;
Но выкормыш Парнаса
Оставил меня вдруг.

На белопенных крыльях
Со мной он на Олимп
Летел к бессмертным лилиям,
В них совесть не болит.

Но скорбное безумие
Меня свалило в ночь.
Сквозь плач скрежещут зубы,
Тут некому помочь.

Услышал я недавно —
Казался раб не пьян, —
Что затянулась рана
От моего копья.

Химера вновь клокочет
И брызжется огнем,
Над смертными хохочет,
И смех ее как гром.

Способен на победу
Лишь я, Беллерофонт;
Из собственного бреда
Я вырвусь. Так — вперед!

Я взмою на Пегасе,
Ко мне вернется он.
И пламя зла погаснет,
Сойдет безумный сон.

Мой конь, мой друг крылатый,
Ты бел, как новый день,
Я надеваю латы,
И отползает тень.

БРЕШЬ

1

Как Командор ушел, прошли века, —
И каменная гостья,
Освоившись, взирает свысока
И радости не просит.
Так смотрит камень:
Дай ему лишь волю —
Пусть — под ногой — и в этой роли
Он все-таки причастен
К вершине мира
И к любой планете,
Что с рычагом в надире
Умеет ждать,
Как ждут, не думая о том, ответа.
Ты приглашаешь в страшный сон,
Но сразу просишь всё забыть.
И стройный, как нога, меж штор
Просвет с утра знобит.

2

Отмирающее детство
Твоего лица,
Восстановленное девство
С запахом свинца.
Перепутаны дороги
Радостных путей,
Путь — один, он очень долгий,
Скомкана постель.
Ты глядишь в средневековье,
Хмуришь бровь.

И уходишь прочь влекомо,
Всем нужна любовь.

3

Думал, что — вперед ногами,
Нет же, на своих двоих.
Топкими лугами,
В обстоятельствах других
Ухожу с маршрута,
С Серой ветки, Красного холма.
И напрашивается шутка,
Новая, как старая Луна.

4

Я прожил жизнь на линии метро,
Я прожил смерть свою в пустом азарте.
Вчера вскользь хлопьями мело,
Растаяло под ноль назавтра.
Смотри внимательно, вот твой портрет.
Он лучше образца, но и пустынной,
В нем блекнет живописи цвет,
И сходится на нем по кругу тина.
Стерпеть без искаженья невдомек, —
Ты ходишь следом за собой и ходишь.
Стоял-стоял лучащийся домок,
Все девять этажей, всё в этом роде.
Иду, смотрю наверх как дуралей,
Из тусклой пятидневки изошедший,
А дома в лучшем случае рулет,
А в худшем, зов печальной бреши.

5

Небо оттолкнулось от асфальта,
Поднялось с простуженных колен.
В ясном дне темнеет фатум
И прозрачен несхвативший клей.
Ты, весна, — с тобой на ты ли надо?
Хоть сама ты повторяешь «ты»
Над корявыми суками сада,
Рыжими среди яркой пустоты.
Тонок сон, как наволочный холод,
Куплены бумажные цветы.
Жизнь причастна памяти, как голод,
Цвет и голод в памяти слиты.

6

Пришла пора для заклинаний,
Ты шепчешь их сама себе.
Следы невнятные прошлых знаний,
И в дамском выемка седле
Пуста, тепло впиталось
В натянутую туго сыромять;
И время в бахрому вплетает
Тесьму, чтоб больше не ронять
Некстати. Непрочитанные узоры,
Орнамент четкий страсти потерял
Значенье шуток или яркой ссоры
И замер, в непричастности стена.
К реке идти как будто пошло,
Улыбку вытри, как следы вина,
Ведь надобна теперь поплотше
Судьбы затейная кайма.

Хотя, наоборот, теперь иначе
Я вижу — воздух, а не сквозь него.
Не странно это, потому тем паче
Парча реки набита синевою.

7

Я ушел от тебя в метафору,
Бил в пространстве вялый сквозняк,
Пил я кофе с тобой без сахара,
Видел страшный и глупый знак.

Проходил я витые области,
Старым способом висла Луна.
И вращались блаженно лопасти,
Томный леший впотьмах линиял.

Вот такой он, цветочек аленький,
Вот такая ты, древняя грусть,
Пахнут снежными досками валенки,
И я сбросил на землю груз.

Я оставил мешок для осени,
Серебро в нем, а я Жан Вальжан.
Крендельки мне обрыдли постные,
Я — один из многих волжан.

Я бурлак, хоть такой изнеженный,
Лямка, берег и баржи боль.
И без паспорта леший задержанный
Да раakitника красная голь.

ХРОНОС

1

Ты прошлого хотел? Бери в избытке.
И в копошении жука — основа языка.
Средь стен родных, пропахших давним бытом,
Ты слышишь окрик с хрипотцой звонка.
Собаку привели с прогулки,
Или эпоха вышла из границ?
Иначе или так — пролеты гулки
И лифт, взлетев, стремится снова вниз.
А в нем молчание и злоба,
В нем ожидание сверхличное весны,
Рождение мучительного слова,
Положенного на аптечные весы.
Так жизнь в пределах омута замкнулась:
В пределах вероятности пустот, —
И отражение высокое макнуло
Свой явный фокус, день стеклянный прост.
Года приходят, чтоб услышать слово
Верховной власти о пустяшных снах.
Стоят вагоны, вкус вина соленый,
И тесный разнолёсицы размах.

2

Нет у чудовищ недостатков,
Поэтому они живут в веках,
Живут впотьмах с улыбкой сладкой,
К которой Бог судил нам привыкать.
Конечно, свыше нам дана привычка,
Она замена общего для счастья языка,

И желтая глядит в окошко птичка
В весенней жажде теплого зевка.
Всё здесь как будто под рукою,
Тебя, как прежде, я безвыходно люблю.
Светило пружит ивы за рекою
И в нерест только память я ловлю.

3

Жить, жить, не замечая,
Потом заметить и опять
За чашкой вяжущего чая
Не плакать, но и все-таки не спать.
Застать себя и узелок на память
У клетчатого завязать платка.
Дорога повела от храма,
Там бархатом подернулась плита,
Где прежний подвиг похоронен,
Ему на пустыре и жить.
Старик вошел, назвался: «Хронос», —
И предложил сиреневый инжир.
Как сладко замирает время
На ложе влажном языка!
Я и не веря в это верю,
Как в замысел святого сквозняка.

4

Толкутся тени на пороге
И медлят в комнату войти.
В моей утраченной берлоге
Постиран наконец сатин.

Так ужасаются предметы,
Когда в мгновение съезжает жизнь,
Они как будто неодеты
И в памяти уже свежи.

Их ноги проросли, как на картошке,
Бледнеют, словно под наброшенной фатой,
От них теперь немного тошно,
Их гложет раболепно страх пустой.

5

КРЕМЛЬ

Ты мной выстрелила из Царь-пушки
И попала в Царь-колокол.
Купола золотые белки пучили,
Солнце слонялось вокруг да около.
Я тебя ждал в соседней комнате
От террасы и от посвиста зяблика.
Теперь мне говорят: «Полноте!».
От первого до последнего яблока
Кремль был всегда моей дачей,
Дом в деревне был моим Кремлем,
На каникулах я мучился задачей,
А в четверти дышал ремнем,
Привезенным моим дядюшкой из армии
На себе. Еще — телесной резиной
Кукол, слушал опереточные арии
И болел в каникулы зимние
Соленым сквозняком стеллажа,

Ходил, как по потолку, в носках,
На паркете подолгу лежал,
Держал в слесарных тисках
Любовь к девочке, превращающейся в тетку,
Чтобы потом готовое изделие
Препоручить, как милостыню на водку,
Подумывая о сакральной составляющей денег,
Предвидя многое наперед,
Зная примерно, почему тогда будет фунт лиха.
Народ безмолвствует, потому что народ
От Нерукотворного примолк Лика.
Один ковыряет в носу, другой
Вряд ли доживет в таком жанре до вечера,
Третий дрожит и прячется за углом,
Хотя ему ждаться из-за угла нечего.
Птицы над мокрой жестью замерли,
Как хитрый почерк подъяческий.
Не едут у боярыни Морозовой сани!
Только восторг гложет ребяческий.

6

Бесправные хождения на обед
И гордый вид болезненной тревоги,
Полуумильный полубред.
Не трогай эти прелести, не трогай!

Зачем все это? Заспанный вопрос, —
Старик несчастный на балу у феи,
Разнообразие послушных поз
И ветер, что любовь развеял.

Смотрю на собственное тело
Я с птичьего полета «завтра»,
Но все-таки мне дело
Есть, хоть без особого азарта.

Влюбленные бомжи
И скомканные веки,
Пустая страсть блажит
В общественном забеге.

Пронзает строчка, как
Кузнечика булавка,
Встает как солнце крах,
Я слышу крики: «браво!».

***

Ты шкаф открыл.
Кого ты приглашаешь
Войти? Ты перерыл
Все вещи, шали
Не нашел
Среди вещей мужских.
И шок
Постиг, как если бы морских
Ты скатов
Потревожил,
Смертям как будто кратных.
Но сам как будто ожил.

***

Л. Г.

Уходишь в отраженье куполов
Как рыба златоперая —
Садко предгрозовой улов.
Об этом много спорили

На кухнях людных. Но
За спорами, улыбками
Сквозь гущу времени грифон
По-человечьи рыкает

И в клюве золотым пером
Твои слова выводит,
Межумочной глухой порой
Он возмущает воду.

А ты опять, а ты со мной,
Но таешь постным сахаром.
Темнеют липы за стеной
Монастыря на взмахе.

Твой соболиный рвется стих,
Проходит настом колким, ломким
И отражает красный крик
Вода в твоём Коломенском.

***

Ради слова, радиола,
Ради всех святых,
Подними повыше голову,
Глянь на это с высоты.
Со звезды, из птичьей области,
Со звериных троп.
Не теряй преступной бодрости
В шаге узких стоп.
Ради слова! Радиатора
Помню запах щелочной,
В звуке хлестком медиатора
Слышится щелчок.
Уходи по зебре весело,
До жирафа барабань,
Приставляй к жирафу лестницу,
Чтобы он тебя забрал.

ЗВЕЗДА

1

На краю скольжу тысячелетия
С треснутой гитарой без коньков.
Пианино звон, как у челюсты,
Гнезда не сдержали сталь колков.

Напряжение ломает скатерть,
Меркнет блеск расставленных усад.
Год в глаза по рельсам ночью катит,
И лицо, как в гипс, легло в салат.

Где-то в центре, как и на окраине,
За углом одна звезда стоит,
И земля — как звездная окалина,
Из-под глыбы лампочка блестит.

Прямо в центре, будто на отшибе,
Сириус невысоко висит,
Нитку перекусывает Шива,
Из подвала режется софит.

Не лицом, а в повороте прочно
Зло, такой его удел.
Лопнули необратимо почки
Лип дворовых в гардероб звезде.

2

Так что еще? Битлз, Бродский?
Охалка годных вещей,
Приличных и в меру броских,
В них шарф, как котенок, ничей.

Из шкафа посмотришь на листья,
Как веко тяжелая щель.
В висок постучит палец Листа
Под йодистый запах вещей.

Нарцисс поднимается срочно
Из маковой почвы весной.
Белея на выдохе сочным,
Он тронул разине висок.

Лежал рядом трезвый Губанов,
Смотрел на заплата небес.
Сам в чем-то был томном и рваном.
А в подполе прятался бес.

Там дул на отростки картошки,
Как будто на ландыши дул,
И было слегка ему тошно
На корточках в детском аду.

Раскуривал ветер на вишнях
Засохшие в зиму суки,
И в сныть опрокинутый Вишну
Читал над собою стихи.

3

Смой с зеркала мои черты
Чуть выжатой наотмашь тряпкой,
Прохладной, как твои мечты,
И как пионы — бледно-яркой.

Потом опять в него всмотришь,
Улыбку сладкую смакуя,
Тогда уж и ее сотри
Рукой как есть без маникюра.

Ты не хотела падать в тень,
А только в ночь желала падать,
Над лежаком метался тент —
Крылом над лабиринтом ада,

Открытым, как ушной канал,
Тебе по прихоти открытым.
И губы в соли, как коралл,
Воск плоти размягченной рыли.

Но вот и утро, ты одна,
Ты не поспела по хозяйству.
На шаг от смертного одра
Отступит жизнь и скажет: «Здравствуй!».

МОЛЧАНИЕ

Увидеть среди ночи солнце —
Урок молчания. Оно
Выхватывает луч из сосен,
Как бы из ножен. Но светло
Не стало, только лишь молчанье
Вкруг солнца в мерной темноте,
И заостренными лучами
Оно сверкает в наготе.
Оно само в себе струится,
Дрожит, как капля на ветру.
Но ветра нет, ему сторицей
Молчанье возмещает труд.

ИЮНЬ

Опять река и церковь. Переехал.
Пошла писать губерния в концы.
А кто-то в ожидании успеха
И в страхе инфлюэнции клацид
Пьет, взяв с ладони, как теленок,
У самого себя доверчиво. А я
В бреду весеннем вырос из пеленок,
В бреду осеннем вышел из себя.
Взял пуделя на поводок и вышел,
Он черный, как положено. Иду,
И держат звон трамваев долго крыши,
И никого в закрытом детсаду.
Сирень косится, знает, что я знаю:
Ей скоро отцветать. Как бы духи
Разбрызгала старуха как бы злая.
На самом деле, подкупить муки
Она под вечер просто вышла
И обомлела — наступил июнь,
И стало что-то ниже, что-то выше,
Что не должно меняться; просто ум
За разум без толку заходит;
Грустит в стоячем «вольво» толстосум,
Хотя пора бы ехать ему в роде.

***

Запраталась зима за щелью
Сарая летнего. Ботва
Превыше всякого прощенья,
И шорох в ней не заболтать.
Стоит зима как задник лета,
Палитра с выемкой зари.
И ты заранее раздета,
Как перед ночью пустыри.
Она — стоит, бела в июне,
Натянут повседневный холст.
И жизнь кольшется бравурно,
Белеет чище только кость.

БУДУЩЕЕ

И эти своды, эта колоннада
Вдруг предстают, как в мыслях Казакова,
Скорей, Баженова, и надо —
Что будущее предо мной откроет,
Стерпеть, как терпят радость или горе,
Не показать смущение в лице;
Как видят море или горы,
Как будто собираясь полететь.
Недавно это обнаружил, —
Что вижу будущее, но оно —
Внутри себя, а не снаружи.
Оно молчит, оно — одно.

ЖАСМИН

Мы задыхались от жасмина,
Он солнце заменял в дожди;
Им вторя, темная осина
На сером заднике дрожит.
Часть листьев замерла, недвижна,
Трепещет остальная часть;
Я выразился слишком книжно,
Спросив тебя: «Который час?»
Так вот — жасмин. Мы задыхались,
Но не с тобой. В руке ладья,
Слоны с конями спотыкались
На клетках, за рукой следя.
Лото в мешке своем дремало,
Блестел по чашкам чай, как лак.
Вставала тень дождя с дивана;
Теперь ты на диван приляг.
Теперь ты тоже бледный призрак;
Дано нам то предугадать,
Что наш какой-то главный признак
Придется прошлому отдать.
Жасмин перелопатил воздух
По мановению руки
Своей, и в живописной позе
Фарфора сыплет черепки.
Мы словно заговор таили,
Стоял он в чае и в глазах.
Смеялись мы, не помню, или
Смеялась вместо нас гроза.
О этот влажный, темный хохот,
Он в напряжении локтя.
Проспал всю дедушка охоту,
Трофеи его прочь летят.

И поднимали сосны жалость,
Как уксус в губке на копье,
И вековое смерти жало
Увязло в восковом колье.
Смола, как сахар, побелела,
Синица ежится в гнезде,
Она под утро заболела
Недугом вымокших газет.
Колода карт, как чай, цвела,
По струнке вытянулся дьявол.
С плеча Небесного Царя
Плащ мокрый небо поднимало.
Зашел Он в этот мир, как в омут,
Как в тесный боковой алтарь.
И — абрис в бочке как бы тонет,
То дедушка под вечер встал.

МАТЕРИ

Хрипят стоячие часы,
Звенит река от дальней лодки,
И камыши как есть чисты,
Как есть — в изломе тени долгом.
В изломе дальнего ключа,
Что чистоту дает предплечью,
Когда здесь чайки не кричат,
А ловят шелест издалече.
Когда здесь чайки не кричат,
Они испытывают время,
Их клювы на минуту немы,
Чтоб крикнуть мимо сгоряча.
Ты пальцем стрелку повернула,
Хрипят стоячие часы,
И цифры ждут, как ждут кресты
На куполах дневного гула.

***

Жизнь стекленеет и звенит,
Уж двести лет дворцовой люстре,
И солнцем каменным залит
Межоблачный постскриптум улиц,
Где дышат волны пленом устриц.
Итак, пространство здесь одно,
Хотя идет от горизонта.
Содом оставил селадон
Ради чистейшего резона.
Он вышел и окаменел,
Но не столбом отборной соли,
Он родственником стал камей,
Лучащих лунный свет мозоли,
Натруженной в галерной доле,
Натертой в нежной плясовой.
Не уходи, побудь, постой
В этой немислимой юдоли,
В нашем осмысленном луче,
Где звательный падеж в заводе
И плачет счастье о мечте
В своей наследственной заботе.

II

ИМЯ РЕКИ

ИМЯ РЕКИ

Мешает облака, как карты,
Ладонями холодными река.
Она простуду ветровую схватит
И будет звонко в темноту икать.

Проходит необутыми ногами
По чистому ребристому песку,
И в каждом ее зрячем грамме
Я имя ее топкое спасу.

Она над облаками взглянет твердо,
Ладони говорливей темных губ,
Заливы неподвижны, точно ведра,
И бор стоит, как предстоящий сруб.

Вся ночь — изба, и пахнет квелым ситцем,
Дороги нет, ее заполнил лес.
Мельчатся звезды сквозь густое сито,
И дед сто лет назад на печь залез.

СВИДАНИЕ

1

Отслаивается цвет от листьев,
Зеленый слизывает ветер,
И — он стоит отдельно, мглисто,
Запечатлев на взмахе плети.
Стоит прекрасное мгновенье,
Его я с миром отпускаю,
И бьется ветер в темной вене,
По веткам волнами плеская.
Ты дожидаясь поодаль,
Густа, сурова и желанна,
Так поспекает в лоне овода
Горячее речное жало.

2

Деревья стали цвета хаки,
Жара вернулась как жена.
Свежа картина из-под кальки,
То репродукция Сёра.

Пуантилизм. Хоть имя дико,
Ласкает все же слух оно.
И плачет сзади Эвридика,
Но мне как будто все равно.

3

Ветви холод в самую жару
Словно в колыхании содержат.
На дверную ручку я нажму,
Провернется прочный стержень;
И по улице к метро пойду,
Признавая новое движенье.
Здесь в московском лиственном аду
Остывает солнечное жженье.
День пропал, замешкавшийся чуть,
Промолчали час за часом птицы.
В постоянстве нестерпимых чувств
Сон заранее готов присниться.

4

Пасьянс не получился окон,
Разложенный в отвесной тьме.
Я забираюсь снова в кокон,
Чтобы не думать о тебе.
Я хоронюсь в белье, мне — грустно.
Да нет, не грустно, мне — никак.
Как в ложе смертное Прокруста,
Ложусь, чтоб стать, допустим, как...
Допустим, как и ты, допустим...
Но только без надежды зла.
Мы ситуацию отпустим,
Проголосуем вместе «за».
В бараний рог меня согнуло,
Я на боку лежу, как пес.
Широкий взмах ночного гула
В нездешний просится мороз.

В мороз твоей полуулыбки,
Твоих подслеповатых глаз.
Звон нежный дрогнувшего лифта
Свидания рисует час.

5

И крылья ласточек на ветках проросли,
Чтоб биться в ограниченном полете.
И в воздухе «последнее прости»
Стоит в непрекращаемом цейтноте.
Ты не способна допустить,
Что я люблю тебя, что — ты смешная.
Что я хочу с тобой достичь
Предела, тот предел смещая.

6

Корабли плывут на водопой,
Море как высокий подоконник.
Наступает день другой,
Жду-пожду тебя, как школьник.

Здесь не море, здесь река,
Призраки пяти морей
Встали, смотрят свысока,
И не отразились в ней.

Катится как сталь река
По прокатному станку.
Тянется твоя рука
К солнцу, как к костру.

Отцветает небо, и пыльца
На кирпич ложится вышних зданий.
Захотелось снова испытать
Школьных неисполненность заданий.
И пойти вдоль кинотеатра, тень
Чтобы следом шла с убийственной улыбкой,
Чтобы голубь взмахом пролетел
В отражении под аркой — рыбкой.
С тяжестью твоей руки
Он сухим из лужи вылетает.
Мне бы тебя так укрыть,
Чтоб проснуться весело в Китае.
Ведь в Москве Китай — рукой подать,
Голубем достать до мокрой жести,
По прихожим созревает кладь
Для скорейших карнавальных шествий.
Послезавтра — это не вчера,
Хоть до крайности оно похоже.
Ты бела, как лебедь, и черна,
Словно лебедь, на широком ложе.
Я люблю тебя. Ты помнишь, карусель
Во дворе чуть под углом стояла?
Мир тогда двоился и косел.
Ты ж одна передо мной сияла.

ГРОЗА

Грозовая яблоня и дом, —
Всё готово к новому наплыву.
Точен дождь, но он ведом,
Есть прохлада грозовому пылу.

Есть прохлада, но и есть урон
Времени в прозрачном кубе.
И идет забор как бы на слом,
Выстоит забор под стать округе.

Закипает в ледящем круге
Время в бочке на густом углу.
Словно воду, я целую руки,
Небо зорко плачет на иргу, —

Чтобы сладкое слегка горчило,
Чтобы краска оставалась в нем.
Молния те губы истончила,
Что сказали, указуя: «Вон!»,

Нет, не словом этим изгоняя,
А показывая на оплот грозы,
Где моя любовь светло гуляет
И без срока на реке гостит.

Холодная краска над домом
Напротив, проспект отворен.
И держится воздух надломом
Нечетной и четной сторон.

Потом это все утонуло,
Как будто бы в море, в окне,
И море рукой прикоснулось
Сухой и горячей ко мне.

И кровь твоя прячется рядом,
Воздух светлеет в груди.
И ты недоверчиво рада
Тому, что нас ждет впереди.

***

И зеркало, и стол, и беспокойный блик канала,
Я буду здесь примерно через час.
Меня ты встретила, издалека узнала.
Пусть люди лучше думают о нас.
Мы зла не делали, хоть это невозможно,
Крутым и желтым был дворовый срез.
Понять такое, думаю, несложно, —
То, отчего мы замирали здесь.
Раздался гром — Нептуна твердый кашель
В четвертом измерении стены;
И небо в ту минуту стало краше,
Выходит вечер из своей тени.
Выходит бог. Он здесь оставил камень,
На нем я утвердил стакан вина.
Зеленый глянec жив в оконной раме,
И бьется всласть кипящая Нева.
Она кипит холодным звонким шумом,
Она зовет к себе наперерез.
И мы увлечены бесцельным штурмом,
И мы вовлечены в одну из лучших пьес.
Васильевский, ты отчий кров для театра,
Здесь начиналась кровная игра.
Затоплен Балтикой свинцовый тартар,
И ярче нет четвертого угла.

***

Ты долго резал волны из опала,
И остывала на ветру резьба.
И мачта телеграфа не упала,
Ее Ты раньше в небеса забрал.

И мачта не упала телеграфа,
Хотя все сроки телеграмм прошли.
Давнее — больше, камень кенотафа
Соленой сединой насквозь прошит.

Насквозь прошит соленой жилой,
Там тела нет, но есть сквозная мысль,—
Что мы здесь очень долго жили
И выходили сообща на мыс.

АХИЛЛ

Я столько раз на поле Илиона
И падал, и опять кидался в бой.
Я из бессмертного морского лона
Опять рождался, принимая боль.

Мне суждено идти на крепость
И к солнцу меч победный поднимать.
Мне Стикса темного лихую крепость,
Взяв за пяту, присваивала мать.

Смотри, я приближаюсь, Гектор,
Ты сын земли, я — из волны морской.
Вот здесь, на поле ровном этом,
Я напою тебя кровавою росой.

Все думают, меня Элизий
Впустил под радугу блаженных врат...
Нет, вдалеке и в самой страшной близости
Я только бою бесконечно рад.

Когда откроет книгу эту мальчик,
Я снова к городу царей бегу;
И в жребии своем — и доблестном, и мрачном
Я жизни оправданье берегу.

СЕНТЯБРЬ

Проржавела листва ветровая,
Пусть и ветер сегодня так сух,
Гонит тучи волна световая,
Еле слышен твой радостный стук.
Ты стучишь в мою дверь чуть сурово,
Ты стоишь на пороге в огне
Ветрового заглавного слова,
Что растет в первой осени мгле.
Столько раз я немел в искаженье,
Полагая, что это оно, —
То знакомое сердцу движенье
И пропавшее втуне давно.
Понимай это, как только хочешь,
Я пойму это вместе с тобой,
Ты, как птица, сейчас захохочешь
Над моей искаженной судьбой.

***

А.М.

Он любил пить этот воздух,
В глубине холодящий сирень,
Там фарфоровый куст дикой розы
Осыпает пчелиную сень.
Шел под окнами спозаранок,
Рыбья мнилась ему чешуя,
И в душе красноперая рана
Разгоралась как злая шлея.
Были долгими омуты в окнах
На другой стороне, где заря.
И потом в неустойчивой лодке
Он держался, блесною звеня.

***

Москва, мой друг, безлюдный город,
В Москве замешкался рассвет.
Ты вспомни Воробьевы горы,
И сам собой придет ответ
На твой вопрос ко мне: «А как же?..».
Я не теряюсь, я молчу;
И в нашем девственном коллаже
Я выделяю каланчу
В Хамовниках. И я не брежу,
Я просто-напросто лечу,
И чайка ножницами режет
Картон небес. Мне по плечу,
Как и тебе, московский говор,
Его бегущая строка.
И как деревню, держит город
В охапке вещая река.

***

Одинокие следы Цветаевой
На просторах Марса,
Испещрен ландшафт цитатами,
Есть, чему смеяться.
Так случилось одиночество,
Так оно настало,
И застали ночи здесь
Звездной звонкой сталью.
Жаль ладоней сладких тех,
Жаль реки безводной,
Сладится не сладится,
Нет в пустыне брода.

КАНАТОХОДЕЦ

Равновесие надежды;
Я иду по темноте
Двух огней цветных промежду
В подлетевшей тесноте.
«Не смотри лишь вниз!» — сказали.
Кто сказал? Не знаю кто.
Мне глаза не завязали;
Так снимал лишь Жан Кокто.
Я в трико иду и плачу
Серебром подложных слез.
В дрожь — канат, и я тем паче
Счастлив, что мне привелось
В воздухе здесь оказаться
И с лицом белей вина —
Или быть, или казаться,
Разбиваясь как волна.

МОРСКОЙ КОНЁК

Я, обнаженный до прозрачности,
Тут в темноте себе плыву,
Вы там смеетесь или плачете
В солярном розовом пыли.
Мне же в глубинах океановых,
В высоком океане слез
Одну слезу, будто окалину,
Хранить в глазу своем пришлось.
Она от бездны отличается?
Наверно, нет, но, может, да,
Ведь не смывает, получается,
Ее соленая вода.
Я, как зимой фонарик праздничный,
Дрожу в глубокой темноте
И думаю: прилечь бы навзничь мне
В безмерно полной пустоте.

КОЛИЗЕЙ

Я проезжаю темноту
Затопленного Колизея
И каждый раз с тоской глазею
На стен высоких наготу.

Остался свет, и тот неярк,
Огни измерить глубину
Пытаются в проемах арок,
Но мрак теснится как в гробу.

Простор теснится, безысходен
И бесконечен, как звезды
Пропавшей свет, что разве годен
Для бездны, страсти и судьбы.

***

Затруднено дыхание реки,
Точнее, сдавлено, ветвятся ее бронхи,
И зеленеют ярко огоньки
Двух светофоров. Боги, боги! —
Так причитал измышленный Пилат;
Москва, как форма глаз, ему присуща;
И образ белокаменных палат,
Как флаг речного катера, приспущен.
Не сказка, нет, скорей — фантазм
Твой общий символ выражает,
И во дворе потресканный фонтан
Лишь тень сирени бывшей отражает.
Чем вечный город отделен
От городов влекущихся времен?
Тем, что он твердо чертит грань,
Как углем чертит небо грай.
Он облако и дирижабль,
Гора. И дней ему не жаль.

***

Отчего это произошло?
Может, где-то хлопнула дверь?
Длился ветреный облачный день,
Мокрым был с картошкой мешок.
Мокрым был неровный карниз,
Как садовника хмурая бровь.
Ты, полено, ровней расколись!
Вот и славно. Пронзенным забор
Был лучами, как пальцами прядь.
Клонит волосы юная мать
Над тобой, ненаглядный малыш,
Улыбаясь тому, что не спишь.

ДЕКАБРЬ

1

Втыкается рыба-меч в борт корабля,
И море вздыхает белым шепотом...
На улице примерзла к лубу кора,
Как язык к алюминию санок; потом
Голубым покрываются детские лбы,
Глаза чернеют как городские проруби.
Здесь можно быть последним или любимым,
Десятым, как в Древнем Риме, — поровну
Каждому достанется сияния из окна.
Зима по-матерински режет белый арбуз.
Воздух гаснет в безгласых гнездах окраин,
Обутый коченеет, как будто разут.

2

Непоместимость звука Листа —
Что кит огромный во дворе,
Как кот, заснувший; только листья
Уже под пеною на дне.
И весь покой застыл как сахар
Расплавленный на фонаре.
Стоит из снега молча сваха
И размышляет о норе,
Где мышь ютится: глазки-слезы,
В них ночь возле сухой звезды.
К ней — обмороженные лозы,
Остекленевшие сады.

***

Такой накидки кружевной
Всем пальцам не сплести.
На землю, словно на живот,
Пушистый снег летит.
И смотрит дальнее окно
Как заспанный циклоп,
Затерто черное сукно
Забывшихся стихов
Помолом мелким. И павлин,
Прекрасный альбинос,
Хвост витиеватый расперил,
Над городом занес.
Все это можно лишь — сравнить,
В сравненье чутче ночь;
И даль несбывшихся равнин
Сбывается точь-в-точь.

ПОГОНЯ

Разделочный цех Ренессанса,
Окраина, нас занесло,
Как после ночного сеанса.
Осталось одно лишь весло.

И как с ним управиться в лодке?
Оно нам одно на двоих.
Пусть сломаны наши колодки,
Мы за борт не выбросим их.

Мы глянем с надеждою за борт,
Сбежала с позиций луна.
Приказ был разослан из штаба,
Что надо мерзавцев догнать.

Что надо все карты расправить,
Вглядеться в них с резью в глазах;
И лес по луне белой сплавить,
И раны листвою зализать,

Чернеющей звездной листвою,
В которой кентавр застрял, —
И режет язык тетивою,
И клятву дает на костях.

В последнем своем обнаженьи
Белеет холодная плоть;
Его здесь, конечно же, женят,
И выстудит засветло пот.

Его здесь, конечно, все знают,
Ему здесь готова постель.
И ведьма, для прошлого злая,
Для будущих ласкова дел.

Душа не своя над Землею
Сама от ужасной любви,
И сыплет рассветной золою
С ладони туда, где болит.

Осталась Гераклова рана,
Пронизана отзвуком мести,
И облаком сношенным, рваным
Укрылась земля здешних мест.

Мы вышли из дальнего леса,
Который нам ближним не стал,
Нам звоном холодного плеска
Весло будет реку листать.

ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА

С тобой в уюте лабиринта
Мы, может, гибнем, но живем
Как короли, хотя пробита
Здесь где-то брешь. Как рот заждем
Ее мы дружными руками
Или каким-нибудь пальто,
Которое лежит веками,
Оставленное на потом.
Нам весело, и ярче неба
Расписанный лазурью свод:
Сюжет счастливейшего бреда,
В бездонном мраке верный брод.

РОЖДЕСТВО

Когда весной я слышу Голос,
Зовущий к шагу по воде,
И светится в березах Логос,
Как будто берег тот — везде,
Я вспоминаю бывший холод
И бывшее в душе тепло
И ощущаю детский голод:
В цветке так голодает плод.
Цветок поет в пчелином рае,
Как медная, гудит пчела.
Пусть то, что беспричинно ранит,
Не тронет светлого чела.
Уже зимой, в тяжелом мраке
Пусть также будет виден свет,
Рука с кадиллом на замахе,
В снегу ноги чистейший след.

ПЕГАС

Этот дом, как чистое безумье,
За окном незыблемо стоит.
Окон ярких золотые зубы
Он то кажет, то опять таит.
Мне к нему идти давно пристало,
Бабушка вот только — проспала.
От двадцатого она устала,
Двадцать первый век не приняла.
Прилегла поспать часок. Навечно
Замер этот светозарный час.
Двор наш — весь в бинтах, залечен,
В нем стоит оседланный Пегас.
Вечер. Снег покрыл ресницы
Олимпийского крылатого коня,
Шелестят газетные страницы
Под слезой опухшего окна.
Человек душой похож на веко,
Открывает бдительный зрачок.
На Пегасе полетел-поехал
Мнительный Емеля-дурачок.

ВИНИЛ

Взглянуло солнце, — что же прощез? —
Над плеском переката.
Здесь ноги стройные у рощи,
Как у судьбы когда-то.
В снегу застряли эти ноги
С корявым почерком колена,
И местные умолкли боги
В объятых ветрового плена.

И горе мыкают поодаль,
Все имена перезабыли;
В снегу стволы искали брода,
Ветвями в низком небе взвыли.
Зачем же так? Но что же делать?
Когда на брошенных заимках
Земля под снегопадом тлела,
И день был скуп, и день стал зимним.

Вставайте в полный рост, ребята!
Не вам сидеть столь безнадежно.
Вам в каждом доме будут рады,
Вам рады будут все до дрожи.
До дрожи, что унять не в силах
Всяк человек в плену дощатом,
Где доски гнутся, как пластинка,
Что песни вам дала когда-то.

И эти истончили песни
Стволы, стоящие в уроне.
Над переката плоским плеском
Застыла, как гнездо, ворона.
Глаза стальные — отразили,
Зрачки в них замерли на взлете
И взгляд полет зрачков осилил
На песенной трескучей ноте.

ГЛУШЬ

Куруется слух собачьим лаем
В прозрачной тесной темноте,
И хор немой прозрачных ламий —
Как жернов в темной тесноте.

Сирень стояла до рассвета,
Ушами к шагу не ведя,
А шаг в меду сосновом лета
Глубоким был, как та вода,

Что в бочке, как надежда в горле,
Краев держалась до дождя;
Как тишина в забитом голе,
Во взмахе гипсовом вождя.

Окрестность замерла на взмахе,
Чтоб руку томно уронить.
Ведь это — чай поди не сахар.
Чернеет швом живая нить,

Кривым, косым, ничто не вечно,
Лишь только то, что до поры.
Из сундука горели вещи,
Как жертвы траурной дары.

Сухие ветки голубели
Как полевые лепестки,
И скрип огромной колыбели
Летел в белесые пески.

***

Огни из темноты цветут
Как слезы крашеной принцессы.
Ее под локотки ведут
В китайских башмачках. В процессии
Она лишь носиком клюет
Чернеющую тушью воду,
В ладошки желтые плюет,
К тигриному готовясь году.
А взгляд! Всеми виной тот взгляд —
Он виноват в бессмертном быте.
Как паруса навзрыд гудят
Деревья в веке, вдруг забытом.
Потребовалась срочно тушь,
Чтоб обозначить все изгибы.
Чернеет ветка, будто уж,
И шепчет роца: «Либо-либо».

ЛЕГКОСТЬ

Серебряным карандашом
Вся жизнь надежно прорисована.
Глубокий прячет капюшон
То, что стучит в ночи засовами
И выпускает из тенет
Как луч тебя. Улыбка бледная.
И — легкость жестяных планет
Чревата скорыми победами.
Всё так легко, как будто кость
Твоим запястьем движет птичья,
И ось Земли стучит как трость
Концом по тверди антарктической.
Как на холодный, влажный холм
Ты лег на собственную голову
И видишь крыши того города,
Что завершает мирный склон.

***

Вывозит снег из-под моста
На крыше пассажирский катер.
Вокруг знакомые места,
И неизменен сбоку катет.
Река смакует плавный лед,
Его на языке глотает
И радостные слезы льет,
Когда он тонкой бритвой тает.
Он тает, но тугая гладь
Его до бакенов запомнит,
Невидимая эта гать
В своей идее не утонет.
И летом помнит синий цвет,
Что был он голубым и белым,
Кузнечный осени секрет
До заморозков станет спелым.
Вода, что тверже, чем гранит,
Хранит основу вечной формы,
Она в себе огнем горит,
Как взгляд полупрозрачный Мойры.

***

Хрустальное дыхание. Подушка
Твоя как неостывший хлеб.
Пусть в комнате немного душно,
Но длинный пальмовый хребет
Потемки держит. Так на темя
Холодный ставится кувшин
В стране, где нет полдневной тени,
Где ярок, как цветок, ушиб.
А здесь плашмя, горизонтально
Мы в волнах бязевых плывем,
Как в жидком небе над зонтами.
Нет, назову белье бельем.

***

Молчит река, стоят деревья.
Как не молчать и не стоять?
Да, ветер то и то заденет,
Рванет в невидимых сетях.
Мы, будто пойманные рыбы
В серебряном его садке.
Мои беспочвенные срывы
Как трещина на потолке.
Мы рыбы в том и этом смысле,
Как на песке и как в воде.
Волна нас накануне смыла,
Нас нет нигде и мы везде.
Шумит глубокая стихия,
Сверкает серебром плавник;
И заново летит ихтио
Тот завр прямо на ледник.
Мы время в пригоршне лелеем,
Оно, как сочная звезда,
Пигментом редкостным алеет,
В котором дно цветет без дна.
Тот мир готов подняться выше:
Пусть линия ему предел,
Но пену кружевную слышно
Превыше неотложных дел.

***

Туча стоит, крыша плывет,
Что-то вершится великое.
Крыша плывет, будто бы плот,
Туча стоит многолика.
Грозны черты, но и грустны,
Крыша сухая и красная.
Краски темны, краски густы
Тучи, что по небу шастает.
Эта она, это — она,
Это не крыша поехала.
Город темней, ярче страна,
Думать о смерти не к спеху нам.
Двери живут, петли скрипят
Речитативом заниженным;
И с головы до самых пят
Вспышкой огня мы пристыжены.

МИМОЗА

Почему подкатывают к горлу
Эти детские морщинистые слезы,
Когда сам себя находит город
В светлых пятнах смазанной мимозы?
Шел без грима большелицкий клоун,
Не снискавший право на двуречье.
И в кудрях его гнезвился холод,
Был с изнанки плащ бесцветный клетчат.
Как ягдташ был бывший клоун дичью
Полон выбитого в лет молчанья,
Воздух свежий, будто запах спичек,
Холод в волосах его мочалил.
Так спросить его и не решился,
Хоть мечтал об этом ежедневно:
Как он стал для цирка третьим лишним,
Сделал он не то или не сделал?
Вот спроси его я, он ответил
Бы такое, что пришлось остаться
В желтом смазанном весеннем свете
С тайной одинокого паяца.

И.Б.

Увел от солнечной скалы
Тебя я, рассказав, что будет.
Улыбка тенью от скулы
Пошла, и путь ее был труден.
Улыбка тенью от скалы,
Как будто солнцем, откололась
И — как смола из-под коры,
Как будто прогуляла школу.
Туда ты больше ни ногой
И ни рукой — поднять свой голос.
Нет, ты не думал о другой,
Другая убежала в школу.
Она вошла в печальный класс,
И все подумали: «Другая!»;
Ее — раз, два, и снова — раз
За опозданье отругали.
А ты с белесым рюкзаком,
С меловой странствовал улыбкой,
К тому шел, с чем был незнаком,
С чем я знаком, как вор с кибиткой:
С узором выцветшей весны,
Черно отцветшей в прошлом веке.
Ты мне, как письма, эти сны
Оттуда шлешь. По общей мерке
Погодится. Да, ветер там
Снял мерки со всего пространства.
Здесь — бьет щелчками по зонтам
Дождь ради равенства и братства;
Но — не свободы, ей одной
Дано в углу сидеть без дела.
Картошку ей вели в ведро
Почистить, что ли, чтоб поела

С соленым толстым огурцом;
Так повсеместно бытовали,
Любуясь избяным торцом.
Мы там с тобою побратались.
Ты полетел с огнем, дракон,
А я пошел по лабиринтам.
До неба мне подать рукой,
Хоть небо досками забито.
Меж досок есть сырая щель,
В ней небо молоком сочится;
И запах третьедневных щей
Здесь буквы превращает в числа.

ДВОРОВЫЙ ИКАР

Я бы выпил весь дождь с подоконника,
Если б взялся свободный стакан.
Выходило мне засветло дворником,
По асфальту дождь с края стекал.
Я работал и думал об отпуске:
Что оставлю метле голубей.
По дворам проходил, как по опусам,
Ноты крепко в руках, хоть убей.
Узнавались по нотному почерку
Пьесы Шумана, — что без листвы
Обрастают, как черными почками, —
Не подсохли как будто листы.
Здесь бывало до ужаса холодно,
И до ужаса был только шаг,
Было зелено здесь, было молодо
И блины здесь гремели для штанг.
С ними местный Икар тяжело вылетел
Из окна, чтоб достигнуть земли.
Он из мрака как штанга был вылитым
И попал на секунду в зенит.

КЛЮЧИ

*Московскому солдату
Григорию Дьяченко,
погибшему под Изюмом*

Ветер в арке. Хорошо.
Хорошо, когда под аркой
Ты задумчиво прошел,
И задул в руке огарок
Ветер. Даже не задул —
Притушил лишь на секунду.
В огороде, во саду
Раскудрявы клена будни.
Во саду ли, во плоти
Мимо смысловых извивов,
Мимо рухнувших плотин...
Вира — майна, майна — вира.
Ради этого вполне
Можно было возвратиться
За ключами, чтоб в волне
Ветровой застыть как птица.
За ключами ведь вполне,
За высокими горами
Есть конец большой войне
Перед чистыми дарами.
Ты идешь насквозь, дворами.
Ветер, словно теплота,
Не стучит в жару дверями,
И теплей щеки плита.
Здесь на солнечной дорожке
Сыплет золотые крошки
Липа. Ты домой слетал.

ЗВЕРЕВ

Высокий берег Черторья —
Там Зверев под окном стоял.
Чернильная волна накрыла,
Растаял след простывших стай.
Они цветными были, стаи.
Окурком в небе рисовал
Он их и вместе с ними стоял.
Оборотился он в овал
Положенной зеркально лужи,
И закатился лужи взгляд.
Себя под дверью обнаружил,
Столичный бич, великий ляд.
На лад он шел, дышал на ладан.
В Сокольниках сочился дождь.
От ада бодуна — отрада,
Когда цветная в теле дрожь.
Завернут в свежую газету,
Несвежий, как соленый лещ,
Он в бытовых тенетах цвета
Не знал где сесть, но знал где лечь.

СТОЛЕТНИК

Мне в память Дом преподавателей
Как в океан Индийский врос.
Йод вьелся в небо из-под шпателя,
В половика звериный ворс.
Всё то, что невозможно вынести,
Если вне лифта понесешь,
Пусть вместе с белым солнцем двинется;
И в воздухе застынет нож,
В дверь молча пионером брошенный.
К ножу, как к рыбке, подойди.
Носили натюрморты брошами,
Парили стаяй бигуди.
И были слеплены из воздуха
Лежащие поверх белья,
Из ветра слеплены, и в воду так
Глядели ночью добела.
Вода в огонь, и трубы медные
Лишь не ржавели в купорос.
В глазах Таймыр и губы бледные;
Столетник это перерос.

ПЕТУХ

Кровавый, леденцовый петуха
Крик засветло во тьме раздался.
Не петуху, а голосу порхать
В занявшейся кузнечной дали.
По Туле молоточный звон
Капелью суховатою прошелся,
Из рукава спорхнул короткий сон
И пробежал по кошек местных шерстке;
И пробежался жестко по чертам,
По краю городского пересуда.
Я в свете фонарей стихи читал,
Молчала незадетая посуда.
Я петуху свои стихи читал —
Он только в дальнем гуле слушал.
Что начинают с чистого листа,
Проникло тишиной сначала в уши.
Услышит это только лишь петух,
Поэтому кричит коптящей ранью.
Лишь со второго раза не потух
Огонь, сперва зажженный втайне.
Огонь, петух и тульская заря,
Я нынче наконец проснулся дома.
Здесь можно жизнь свою перезанять
После ее рессорного надлома.
Он третий раз из глубины кричит,
Уже светло, из глубины светлеет.
Как леденец крик петушиный чист,
Алеет солнца доменное тело.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

В прохладе анонимной жизни
Идет прохожий под окном.
Прохладны тусклые карнизы,
Стоит сентябрь как закон.
Цветы заранее политы,
Полит заране тротуар.
Почти черно темнеют липы,
Размокнув как худой карман,
В котором отсырело имя,
Его почти не прочитать.
Идет прохожий себе мимо,
Чтоб началась вторая часть.
Вторая часть, иная участь.
Прохлада бьется через край.
Понять судьбу прохлада учит
И в объяснениях резка.

ВОЗДУШНЫЙ МАЯК

Волны точат реку как кинжал,
Сами по себе готовы к бою.
Столько вкрадчивых и плоских жал
Составляют монолит приборя!

Сдержан пресный оловянный плеск,
Он окислен легким поцелуем.
Тонок на холмах московский лес,
Истончен он ветром и салютом.

В этом есть родная маета,
И чужая ближе мне рубашка.
Виснет в воздухе фонарь от маяка,
Хоть из воздуха сложилась его башня.

***

Недосягаемое лето,
Ярчеет небо за окном.
Балкона сетка словно клетка,
Котлетка помнит гастроном.
Она холодная на кухне,
А здесь белье как небо — лен.
Дубинушка родная ухнет,
Помашет нам индийский слон.
Он к нам с утра в окно заглянет,
И хоботом цветы польет,
И затрубит в небесный глянец,
Где улыбается пилот
Одной со мной больной улыбкой,
Но лечит нервы высота.
Выскальзывает в небо скрипка,
Как рыбка в воду из садка.

АКТЕОН

Желая отыскать границы
Своей больной души,
Идешь-бредешь ты сквозь страницы
Ума глуши.

Босой ступаешь на дорогу
И хочешь лишь того,
Чтоб сами выводили ноги
За крайний ствол.

А ты не думал бы о цели,
Забыл ориентир,
И время, ведшее доселе,
Пустило б в мир.

Но как избавиться от взгляда
Преследующих цифр?
Они опережают дали,
Конца гонцы.

Бегут как верные собаки;
Но ты уже олень.
И настигают всюду знаки
Вперед колен.

Была бы смертной Артемида —
Простыла бы в воде,
И взгляд любви Аристеида
Был с ней везде.

ИОВ

Охрипший спозаранку катер
Натягивает шелк воды,
Тяжелую он тянет скатерть
Мимо желтеющей орды,

На склонах вставшей Воробьевых.
Приподнят в тень Нескучный сад.
Надежды ветхого Иова,
Как дачу, оставляют ад

И просятся, как дети, к Раю,
Заждался там их Дед Мороз.
Идет по набережной Каин,
Ступил и сразу в землю врос.

Он изнуренно ищет снега,
«Как близко!» — думает, и вверх
Устремлены кривые следи
Его объятий мимо всех.

Над братом растворился Авель,
Пасется там курчавый скот.
И остывает с края лава,
Чуть грея рыхлый небосвод.

И язвы заживают Йова,
Хотя их цвета даже жаль.
Плечо поет, нога не тонет,
И краски в воздухе дрожат.

ПРИСТАНИЩЕ

Разреженное море неба,
Я наконец его нашел,
Забросил взгляда рваный невод,
И это было хорошо.

Так это было, это будет.
Когда волна меня качнет,
Упрусь я корабельной грудью
В глубокий влажный небосвод.

Впущу волну, будто в пещеру,
Через улыбку или вздох
И так, пристыженно ощерясь,
Пойду туда, где с нами Бог.

Там в воздухе не тонут свечи,
Сквозит там темнотой оклад,
Поклонами весь пол размечен,
Распахнут людям древний клад.

Потом пойду обратно в осень,
Обратно в суриковый цвет.
Кармин скоромный, кобальт постный
И неба повсеместный вес.

Вся эта чистая разметка
Дана как карта кораблю.
Границу темноты и света
Я как пристанище люблю.

***

Цветные огни заменяют людей
В двойном экземпляре, не меньше.
О бабочках так говорит чародей,
Младенец в стандартном манеже.
Как — говорит? Но не рано ему?
Конечно, до страшного рано.
Его я на фото быстрее сниму,
Пока он не чувствует срама.
И каждую осень один плюс один
Никак не становится двойкой.
Пусть сызнова мама такого родит.
Его же, такого и только.

ЛИЛИТ

Всё навигация открыта,
Хотя ландшафт припорошен.
Плывет моторное корыто
В фарватере железных шор.
Ноябрь прописал картину
Где тонкой кистью, где метлой,
И с точным попаданием тира
Свел каждый стебель к запятой.
Добавил в луб чернил бордовых,
Как будто выступила кровь,
Валежник уложил на дровни,
Чтобы пустить всё вместе в ров.
Так он прибрался. Только искра
Квадратиком в снегу горит,
Случайна, как крупинка риса,
Гласит без гласных, как иврит.
Между согласных, как иврит, —
О том, что есть огонь холодный,
Что озаренная Лилит
Плывет в той допотопной лодке.

N

Там недолюбленное поле.
Пройдет как молодость война.
Что ты осталась в бывшей боли,
Приложенной руки вина.
Война, как молодость... Да, нервно.
Сравнить верней наоборот.
Заснежен праздник, как карьеры
Дворовые. Скривленный рот
В высоких стенах представляю
Квартиры, где в ту ночь одна
Предметы ты переставляла
В уме, чтоб не свестись до дна
Всё той же сумрачной квартиры,
Где будто зрячие углы,
И нет в мечте ориентира
Для черной штопальной иглы.

Ночь. В школе бродит призрак,
Неслышимый в гулкой немоте.
Он был пристыженно-капризен
В души холодной нагоде.
Он был давно. Но так же бродит
Без перемены по ночам...
И ты бытуешь в этом роде
В квартире, что теперь ничья.
Он умер, ты жива поныне.
Но в мире призраков есть дверь,
В часы ужасного унынья
Ее приоткрывает зверь.
И непонятно: кто здесь жертва,
Испуганное существо,
Кто своего хозяин жеста,
Превозмогающий ничто.

Наверно, за тобой победа.
Ведь ты не знаешь полулжи.
И в свете сумрачного бреда
Ты, чтобы встать, теперь лежишь.

ТАТЬЯНЕ ДОРОШЕНКО В МОЙ ЮБИЛЕЙ

Родимые пятна ампира,
Они за ближайшим углом.
Картина прошедшего пира
Как в зрительной памяти гром.
Он — был. Мы в темнотах сидели,
И молния зрела в глазах.
Остались закрытые двери,
Остался мистический страх.
Мы много о нем говорили
С улыбкой на винных губах.
То было в реалиях мира,
Пусть данность была и груба.
Отдали без ропота данность
Мы тем незаконным чертам,
В которых прошедшую радость
Мы можем теперь прочитать.

ЗАБВЕНИЕ

Река опять окаменела
И жидкий камень бьет в гранит.
Добавлена толика мела,
И волны ветер зло гранит.

Нет, это все-таки не злоба,
Это природы властный труд.
И, словно ожидая слова,
Щеками волны волны трут.

Уж сколько слов... Всё та же жажда
Живет в холодной немоте.
Для поэтического ража
И в камне средоточье тем.

Но есть ли в сердце те же силы?
Оно, как камень, их хранит.
И остается иже с ними
Реки забвения гранит.

СМОЛА

Привыкли сызмальства к распутице,
Так что до леса не дойти.
Но лес с небес дождливых спустится,
Сойдет с седьмой версты.

На доски рассыхалось дерево,
Чутьем читай: сосна,
Как плечи, прошлый лес задела нам
Смола или роса.

Там рожь была сухой, как волосы,
Линяли васильки,
Подкован воздух звоном колоса,
И звон прошел в виски.

Пристало время как мелодия,
Что крутится в волнах,
Над ними плыли долго в лодке мы,
Даль весла повела.

Лежали башмаки под лестницей,
Без пары пара ласт,
Смолу сжимали сосен челюсти
И пахла хвоей пасть.

ИКАР

Позор как мера всех вещей
Проголом на небе открылся.
Он был в загоне как ничей,
Но обретался, словно крылья.

Я у отца их попросил,
Две пары сделал тот на воске.
Мне для рывка хватило сил,
И Гелиос стоял в повозке.

Позор накатом обжигал,
Глаза, как волны, делал ярче.
Лицо покрыл мне не загар,
А тень от солнца. Оно взрачно

Стояло высшим маяком,
К нему тянули руки волны...
Я с лабиринтом был знаком,
Его отец для игр строил.

Другого мальчика туда,
Полутеленка, запустили.
То первый для меня удар,
Позор превыше всех усилий.

Я думал, это мой дворец,
Играл и бегал в нем как дома;
Нет в тупиках отрадных дворц,
Но счастье темноты бездонно.

Лишившись лабиринта, я
Взял пару навощенных крыльев,
И жажду бездны затая,
В небесный омут перепрыгнул.

Я думал, солнца не достичь,
К нему путь — схема лабиринта,
Оно парит превыше птиц,
Как стены вокруг него орбиты.

Но солнце встретило меня,
Как Минотавра сын Эгея.
Судьбы своей не поменять,
Она воск в крыльях разогрела.

Упал я в море, стал волной,
Чтоб, возрождаясь, сразу гибнуть.
Иное солнце, мир иной,
Но пульс отдал свой трепет блику.

***

Он заблудился в небесах,
Когда расписывал созвездья.
На них он образы писал
И к ним под мокрым снегом ездил.

Промокли ноги в феврале,
Обратной не сыскать дороги.
Небесной местности рельеф
Переходил он очень долго;

И запрокинулся меж звезд —
Земли ведь нет, Земля далече.
И ныне там бесценный воз,
Воз красок, что от смерти лечат.

***

Сангинный пролесок как пальцем
Размазала плотная даль.
Не может она запятнаться,
И день зимний мал, да удал.

Что там на часах? За пятнадцать,
Четвертого четверть уже.
Доносится с поля, как с плаца,
Мечта о тугом чертеже.

Нам выспаться надо с дороги,
Пускай окружная она.
Мы оба с тобой недотроги,
Подружка моя и жена.

Мы тронулись оба, и крыша
Над нами в далеком пути,
Живется под ней не без шика,
Ты мимо ушей пропусти.

Нам дорог уклад наш берложный,
На крыше накопленный снег
До смеха, до ласковой дрожи,
До истины, древней, как грек.

БИРЮЗА

Бирюза отражается в зеркале,
Хотя в комнате нет бирюзы.
Она в зеркало будто бы врезана,
То сказать повернется язык.

За окном всё исхлестано дождиком,
Наказание в радость зиме.
Я ищу зазеркального тождества,
Хоть лежит что-то с чем-то во зле.

Бирюза словно свежепомытая,
И сама, замирая, течет.
Мне молитва блаженного мытаря
Открывает блаженнейший счет.

Пусть обида стоит как в аквариуме,
В ней живет бирюзовый неон,
Не затронутый внешними сварами,
Когда в пасмурном воздухе ноль.

***

T.

Как цвет зажигается в цвете
Над черной припухлой рекой,
Ответ возникает в ответе.
Ладонью мне темя накрой.

Как мост держит поезд спокойно
И поезд секунды стоит,
Всю даль собирает укромно
Могучий подводный магнит.

И так начинается время.
На пальце живое кольцо
Пяет ночная Венера,
Начало смыкая с концом.

ПОЛОВЧАНКА

Жила половчанка. И день на дворе
Был тоже раскосо-белесым.
Как шапка-боярка горит на воре,
Вошла так в боярьшник осень.
Вошла и не хочет никак выходить,
Мечтает здесь жить и учиться,
На фабрике прясть канительную нить,
Чтоб всё было просто и чисто.

В худой глубине на втором этаже
Свежа голубая подушка,
На постном бесцветном окна витраже
Недвижна осенняя мушка.
Белесо-раскосая, с плоским лицом
В одежде легла половчанка,
Соленым заела она огурцом
Начинку грибную, мещанка.

Часы зазевались, подумала встать
(Не то называется «думать»),
К сараям пойти, показать свою власть:
Под курицу дунуть и плюнуть.
Живет посейчас на втором этаже
И облаку тесно на третьем;
Но в мутном бесцветном окна витраже
Всё проще ее не заметить.

***

Полудвижение души,
Так что-то, полуслово.
И то, что тянет и крушит,
То подползает снова.

Но немо размыканье губ
Зовет знакомый профиль,
И то, что погружает вглубь,
Допустит к чашке кофе.

Потом допустит до второй,
Лиха беда начало,
Струну четвертую подстрой,
Я этого не чаял.

Опять ведь — жизнь, опять любовь
С презреньем отвергает
Мечь и упрямство твердых лбов
И прячется нагая.

НА ГУБЕ

Отражена в зеркальном коридоре,
Нет удержу ее мечтам.
Как в подтверждение всесильного раздора
В рабочие часы закрыт почтамп.
А кто она? О ком здесь говорится?
Она одна осталась на губе.
На той губе, где пребывать ей присно
В ее ужасной и пустой судьбе.
У Ледовитого есть моря-окияна
Огромная холодная губа,
Туда она выходит очень рано
Из межзеркалья снова без горба.
Она выходит? В это можно верить,
Когда подумаешь о мрачной жизни той?
Крадутся к ней лесные звери
В единодушии жестокости простой.
Да, простота. Глядишь, зачтется
Помимо страшных дел и черных слов.
Границу простота проводит четко,
Так отделяет сеть от косяка улов.

КНИГА

Я выхожу из сада, будто в сад
Вхожу. Такая же прохлада.
Возможно повернуть назад,
В душе кошмара личная поклажа.

Поэтому — что там увижу я?
Опять сарай? С него я в детстве прыгал
И, яблоко незрелое жуя,
Смотрел в листву и видел книгу.

Пройти весь сад, за ним сосновый лес,
Скулит там серым волком электричка.
На дерево я плотоядно лез,
Чтоб заключить себя в сосновые кавычки.

Доколе можно детство вспоминать?
Вся жизнь — вопрос, а там одни ответы.
На рваной раскладушке дремлет мать
В лучах застывших солнечного света.

Они раскрасили садовую листву,
Но лютики сверкают все же ярче;
И в книге бьющему крылом листу
От черных строчек делается жарче.

ДРЕВНИЕ ОГНИ

Огни объединяют воздух
С водой, когда мелеет день,
И сфинкса принимает позу
Ночь. Нить ее продень
В ушко игольное верблюдом.
Верблюжья нить теплей вина,
Не голова, кувшин на блюде.
К реке подходит Иоанн.
Он же Илья. И Бога крестит.
Под вечер солнцу тяжело.
Запретов больше ветхих нету,
И просыпается жерло,
Как совесть, спящего вулкана,
Чтобы Помпею поглотить,
С ней погребен и Геркуланум.
Но живы городов огни.
Уже без окон и кварталов
Они в воде отражены:
Кристалльно тая, не растают
Зимой от горловой жары.
Такая боль приходит редко,
Не причиняется, нежна,
Ее перемогали предки
И в час свой каждая жена.

ГАЛКИ

Лоскутное покрывало шьет ветер из
Наброшенных в русло луж
И солнцем скинутых в реку риз,
Помимо береговых служб.

Хотя они в дело тоже вовлечены:
И лодочные станции, и церкви в серьгах.
Колокольные серьги как грифель черны
На отшибах, в селах и городах.

И кажется, галки прямо из колоколов
От неба рождаются с голубыми глазами
И не слова, а отверстия гласные слов
Препинаются их голосами.

***

Промокшее до нитки поле,
Край заболочен, ближе край.
Плащей мы замочили полы,
Дождь всё крапает, как крапал.

Как ты крапал и я крапаю,
Мой вечный друг в краю родном.
Я в этом сне зачем-то плакал,
И чище становилось дно.

Глазное? Сна? Самой ли яви?
Не убирал ты прочь руки.
«Элои, лемма савахфани!..
Оссана!». «Талифа, куми».

СКОЛ

Сверкая в знак преображенья,
Лежит сошедший с неба снег.
По воздуху проходит жженье
И нежит, как полярный мех.

Взгляд делается зорче, чище,
И глубже хочется дышать.
Так постные подходят числа
Для разрешения задач.

В душе, как в брошенной постройке,
Пространством управляет скол;
Так сколоты бывают строчки
И в сердце вбит бывает кол.

Что может быть зимы прекрасней?
Она вся сводится к слезе,
Которая в процессах карста
Влечет материю к звезде.

***

Задышал кирпич. Он первым задышал
После зимней радостной задержки,
Балерина так задерживает шаг
И ступает медленнее, реже.

Детство побледнело в феврале,
Не дождавшись ни коньков, ни санок.
На окне цветочек заалел,
Дома он один оставлен.

Одиночество, безумие тебя
Не возьмет в друзья, и не надейся.
Чужака так не берут, дразня,
В лучшую игру другие дети.

***

Начать с конца и подтянуть
Всё то, что не пошло в начале.
Да, с росчерком того лица... Да ну!
Нет, с росчерком того зачатья,
Которое лицом к лицу,
Которое прошло на славу.
И вот тогда идти к концу.
Опять, опять тебя послали
За смертью, за такой Можай,
Где проживал уже ты раньше.
А ты иди и уважай,
И, может, будет не так страшно.
А страх, он что? Он есть как есть,
Он твой двойник, хотя, быть может,
Ты сам двойник. Убавь-ка спесь,
Ты без сапог, как тот сапожник.
Как Марсий с содранной душой
И уцелевший прежней кожей.
Смотри-ка: ты уже дошел,
Ведь путь тот до тебя исхожен.

***

Точат миро доски на заборе,
Выступает посуху смола,
Посуху весь сонм весенний в сборе,
Хоть весна пока малым-мала.

По соломинке. Но ближе половеде,
Ближе близкого, а близкое вдали.
И на самой разложившейся колоде
Есть, как в лодке, место на двоих.

Так садились мы на масляную краску,
На покрашенную лавочку в сердцах.
Краска была яркая, как ряска,
С примесью болотного свинца.

Где тебя нелегкая носила?
В узких окнах золото кипит.
Так опять к сердцам приходит сила
Из земли, что выплыла как кит.

ДУЭЛЬ

Идти тяжело, как будто бы Пушкина
Я вместе с другими по снегу несу.
Карета чернеет, и день снегом тушится,
Поэту — все муки, Дантесу — сестру.

Проваленный шаг, нет надежды на вымысел,
До дома дорога, как жизнь, коротка.
Но мы это сделали: Пушкина вынесли,
Хотя не накинешь на рану платка.

Кто мы? Что за тени столпились над омутом
Той речки, что в памяти белой черна?
Не слышно по снегу пушистому топота,
Дуэль совершилась; и со-чи-не-на

В повторе была неотвязном заранее:
То шпаги укол, то гремит пистолет.
Убит, не убит?! Расселяется зарево
По окнам вечерним, разобранный свет.

ПРИЗЫВ

Над морем розовая мга
И солнце поменялось с плеском:
Тому звенеть, тому мигать,
И ласка пляски ищет место.

Находит, и идет откат
Единого до края штиля;
И волн врастающих атак
Сегодня нет, волну подшили

Иголкой черной, что на дне
Всегда лежит для пальцев белых.
Как платье, ты волну надень
И по дорожке к солнцу сбегай.

Не наступая на ежей,
Беги по солнечной дорожке.
Там с блеском праздничных ножей
Озябла рябь с горячей дрожью.

АГОНИЯ ГЕОРГИНЫ

Себя находил в дыму табачном,
Улыбался с застенчивостью сквозь дым.
Дверь враз захлопывалась на собачку.
Был не толстым и не очень худым.

Был изящным в агонии георгины,
Что росла из другого полушария сквозь ядро,
Сквозь кору и магму. Сделался гринго,
Ядом потчуйся и смотря сквозь двор,

Когда вспыхнет слезящий желтый
Между красным и зеленым, не дано
Здесь четвертого; третий желудь
Приземлялся с дуба, как в воде, на дно

Того воспетого машинально парка,
Ставшего притчею во языцех.
Поселилась в другой комнате Парка,
Чтобы опять там с пряжей возиться.

А потом он уехал в затопленный город,
Парка плакала, как наводнение в Венеции.
Если болит нога, не иди в гору,
Сама придет к королю Швеции.

Гору дают взамен поэмы при короле.
«Это твоя гора», — говорят с улыбкой
Уже жители штормового города Кале,
Припахивая тем же табаком и рыбкой.

Все эти странствия — медный грош,
Сломанный в кармане неразменный рубль.
И ты уже, как сюжет, расхож,
Одинок, как Сержант Сердечного Клуба.

Только во сне возможно с билетом успеть
На Желтую Подводную Лодку.
Это ли переведенная Песней Песнь,
Которая с нежностью берет за глотку?

Не знаю, может в Калуге, может в Рязани
Расцветают в воздухе те георгины.
Пусть под окном разбит английский розарий,
Во рту привкус российской глины.

КИТАЙСКИЕ БАБОЧКИ

Как китайские бабочки, снег
Запорхал и обратно взметнулся.
Это происходит в окне,
Куда смотришь, день пережить труся.
Просьба кошки: «Помни меня»
В умирающем взгляде застыла.
Будто лапами для игры помяла,
Закоченело тело. Минуты простые,
Первые без этой жизни,
Которая ступила на запредельный круг,
Чтобы случилось то, о чем читай ниже,
Но что пока ускользает из рук.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Вечер уже. Хотя и утро.
Прозрачностью они неотличимы весной.
И примешивается к воздуху смута
Допотопная. Налегке Ной
Ложится прямо на землю.
Он и есть прошлогодний снег,
Если год, как в Риме, мерить
От марта. Прошлый век
По старинке заглянул в окна.
Взгляд проникает без отмычки, как
Проникала в замыслы водка.
Пробка выдерживалась как чека,
Взрыв следовал постепенно,
Разворачивался клейкой листвой,
Набегала кровавая пена
Из нутра, пропускали сквозь строй
Тополя, но зато пропускали
Без билета, счастливый билет
Съеден был, и в железном оскале
Отражался советский балет.

ПОД ТЕНТОМ

С тех пор горчат все полотенца
И попадает соль в зенит,
Почти не помогают тенты,
Морская соль в ушах звенит.

Песок чернеет после шторма,
Вода как будто голубей.
Волной натянутой зашторен,
Я счастлив здесь, скажу тебе.

КАУЧУК

Воздух, как мытые окна, просторен
И не подсох как они.
Это зачин для обычной лавстори,
Ты на плече прикорни.
Плечи широки у дюжего дуба,
В них остывает чугуны.
Не было в детстве надежнее друга,
Чем Каучук Улялюм.
Он изнывает в углу за буфетом,
Всё заглянуть недосуг.
Книжки наложены Тютчева, Фета,
Голос поэзии сух.
Голос поэзии мокнет на сломе,
Важны, как сломанный взгляд.
Время смолит, напоказ только злое,
Молнией вязкой закат.

ДЫРА

Стоялая луна
Нисходит на болото,
Не достает до дна,
Возможно поднырнуть.
Она белей стола,
И есть одна забота,
Наложенная дань —
Закрыть собой дыру.

И тело, как луна,
Идет в густую воду.
Ему себя унять,
Что утопить ведро.
Звезда накалена
И проколоть готова
Накопленную гладь,
Чтоб вылетело дно.

Чтоб вылетело вон
С пушистыми крылами,
Как стая теплых сов
Или одна сова.
Молчит не телефон,
Не шкаф стоит углами,
И держит не засов
Готовые слова.

БУКВА

Представь себя Шахерезадой
И посмотри звездой сквозь ночь.
В чулане за окошком задним
Всё от смородины черно.

Черным-черно, но в блике красном
Как букву можно мир прочесть.
Стоят так люди возле кассы,
В билетах эта буква есть.

Так на крутом к гнезду полете
Нацелен как бушпритом клюв,
В зацветшем старом переплете
Жив синий запах рыхлых клумб.

Ты эти сказки перескажешь,
Чтоб Шахрияр сошел на нет
И вышел заново из пряжи,
Сквозь букву ниткою продет.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ К РАДОСТИ

Костяная Венеция в воске,
Что соленую воду мутит,
В теноровом ее отголоске
Пробивается омутом Стикс.

Не дожидаться, чтоб сон растворился
В этих водах, лобзающих край,
И начинка сафьянная риска
Годна в кашу из топора.

Он замочен у лиственниц донных
И в смоле замусоленный спит,
В соскользнувшей по мылу гондоле
Крот в серебряной маске сидит.

Камня спицей разбитые тонны,
Как на сплаве, проглотят меж плит
Всплывший было топор плавниковый,
Чтобы эха ослабить плеврит.

Акварель тех каналов подсохнет,
И волна будет биться как лист.
Расползутся чернильные строки,
Пока радость, раскинувшись, спит.

Вздых ее, как флакон леденцовый.
Я приеду по льду на санях;
И период пройдет ледниковый
В кракелюровых глянцевах снах.

ЦВЕТЕНИЕ

Васильковая Волга жила
В напряжении жучьего взгляда,
На песок наступала жара
Против лодочного парада.

Взятой лилии в гнете избы
Васильковой воды не хватало.
Волгу было не позабыть:
Где она не текла, там витала.

Лаем, стиснутым в спелый кулак,
Хлопал в доски раскопанный вечер,
В пах бил запахом знойным табак,
Набухали рыбацкие черви.

Было велено ей отцвести,
Пусть часы и скворечник стояли.
Уходил Сашка стадо пасти,
Ландыш так вслед за снегом растаял.

Снег до лета лежал, точно соль,
В самой тени бывшего окопа.
Пригонял Сашка то же число
В обход боли по краю болота.

Пьяной пенкой шиповник кипел,
Звон в колодце немел до рассвета,
И пустырь атомарно кишел
В смуглом спектре цветного фасета.

ВЕСЕННИЙ ЗВЕРЬ

Эта краска для коры
Отмерзающих деревьев,
Ей в волнении реки
Можно колонок доверить:

Обновить рекой стволы,
Что с асфальтом породнились.
Иудейской цвет смолы —
Цвет воды — тут или-или.

Пусть асфальт возьмет свое —
Нефть плюс камень безымянный.
Дерево гнездо совет
И без птичьего базара.

Ветер щупал и прозрел,
Птичий скрип пошел по маслу.
Человек — весенний зверь
Водяной древесной масти.

СУДЬБА

Как распознать свою судьбу?
Так после мимолетной драки
Глядят на вспухшую губу
И видят, где зимуют раки.
Густеет кровная вражда,
Как сумерки, чтобы растаять.
Уже не видно ни рожна,
А шалопай резину тянет.
Ему бы алгебру учить,
Ему бы думать об отметках.
Полны дворовые ручьи,
Из пенопласта плыть корветам.
Судьба написана в ветвях
И переводится на воду,
Судьба решается в яслях
И входит то и дело в моду,
Чтоб быстро выйти из нее.
Но есть в ней знак неотвратимый.
Ветвь извивается змеей,
И размывается плотина.
Какое слово твой девиз?
Оно сквозь стену проступило.
Не бойся, детка, не реви,
Где нету дна, там есть перила.

ШКОЛА БАБОЧКИ

Есть школа тигра, школа богомола,
Чем славен Верхний Шаолинь.
Я школу бабочки в реалиях надлома,
Я школу бабочки придумал, нашалил.

В чем шалость? В чем огрех и совершенство?
В порхании есть солнечный закон,
В значении единственного жеста
Он и другим, и сам себе знаком.

Знакомым быть себе — вот трудная задача,
Себя узнать в себе мучительней всего.
Прошла эпоха, почернела дача,
Но прошлый жест для бабочки живой.

Он школу тигра, школу богомола,
Как белой молнией, бесшумно бьет
На темном фоне солнечного грома,
В чреватом небе обретая брод.

ПАСХА

Копий поломано, страшное дело,
Свалено грудой в дырявом сарае.
Надо над ними подумать о Рае.
Совесьть, как плоть, за живое задело.

Свет в этом воздухе можно потрогать:
Пыльный, лохматый, как заспанный шмель.
Здесь драгоценна мне каждая щель,
Места нет торгу и времени — спору.

Гвоздь держит доску, как теплую руку,
Свет красит копыя весенней пылью.
Я поднимаю навстречу лицо:
Входит надежда без спроса, без стука.

16.04.23

ПАМЯТИ ВЛАДИСЛАВА НИЗОВА

Там небо густо голубое,
Очерченные купола.
Нет в колокольном звоне сбоя,
Звонарь во все крюки попал.

И кажется, что на оттяжке
Он пальцем неба достает.
Вот замолчал, и стало тяжко,
Пустеет колокольни свод.

Он — обрамленная глазница,
В лазури колокол — зрачок.
Чувств всех простая пятерица
Сошлась сейчас в один пучок.

Кто кисточкой обвел пределы?
За них цветам затечь — ни-ни.
Но краска все-таки задела
В глазах зажженные огни.

ЭПИТАФИЯ

Зеркальная душа. Весь мир переселился
И новоселье празднует в фаворской чистоте.
Так солнце множится на листьях
И забирает заявление истец.

Стоймя гуляют лиственные волны,
Подходит суд, как подступает май.
Ты жил как жил, с тебя довольно,
Уединения холодный плащ снимай.

ЧЕЛОВЕК

Я думаю, что холод камня
И жар его в полдневный час
В немое молоко не канут,
Прозрачность не отдаст алмаз.

Он почему-то нервно дышит,
Он почему-то еще жив;
И реют ветви тише, тише,
Чтоб человека пощадить.

Он — человек, хотя уюта
Конечного ему не знать.
Ему нужней, наверно, утро,
Важней, похоже, верный знак.

Он чутко спит, как тот же камень,
Как камень, краю навсегда
Причастен он, и океана
Близка далекая вода.

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Ты вся прорисована тушью
На белом холодном листе.
Тебя я люблю, но я трушу.
О черной взошедшей звезде

Я думаю, глядя всё глубже
В сосущий зрачок ее тьмы.
Остыл натюрмортовый ужин
Квартирной ночной кутерьмы.

Есть Сириус. Он узаконен
В словах волевых повестей.
Монокль его блеском закроет
Движение к мрачной звезде?

Свет черный густеет над крышей,
Уж утварь к себе потянул.
Во Франции жил один рыжий,
Он в этой звезде утонул.

Механику знаешь светила:
Внутри затаен рычажок,
На дне он магнитного тигля
Лелеет угольный ожог.

ФОМА

Я ради страха иудейского
Стоял, как будто бы бежал.
И в помыслах вопроса дерзкого
На Рану пальцами нажал.

Мое мне было внове явлено,
Я внове жил и говорил.
Фома, при виде Лика Ярого
Обратной жаждою гори.

ПРАДЕД

Г.С.

Вместо тебя вселился страх,
Мой прадед. Шуба наизнанку,
Рояль, оставленный в кустах,
И быта каверзные знаки.

Гремел посудой домовой,
Как будто бы искал оружие,
И выключенный на ночь вой
Просился из груди наружу.

Промокли в незабудках сапоги,
Мы к недопитому бежали чаю.
Святой угодник, помоги,
Когда я по тебе скучаю.

Кукушка вылетала из часов
И оловянным тельцем билась.
В часах есть равновесие весов:
Того, что стало и того, что было.

ГОРДОСТЬ

Всё небо в раму поместилось,
Но только почернел гранит,
И воздух пасмурным метисом
В округе тишину громит.

Хотя сам воздух не из громких.
Погрошенная тишина
Уберегла в буфете рюмки,
Буфет от тишины трещал.

Так наступал непросто вечер:
Как на ногу танцор-медведь.
О рюмках не было и речи,
Хотя бы гордость не задеть.

Она одна сидела, гордость,
С поджатым ртом, прямой спиной,
Перекрестившись полной горстью
За притаившейся стеной.

***

У собственного памятника я
Прошу в обносках подаянья.
Мне серебра отсыпано — река,
Здесь серебро — одно названье.

Но кажется, что пахнет им
Реки наполненное русло.
Если прохожий подхамит,
Не мне, а памятнику грустно.

***

О.М.

Вторая Речка не черна,
Хоть угольком начинена.
И поминается меж строк
Сквозящий град Владивосток.

Чуть не дошли сюда столбцы,
Не дозвучали бубенцы.
Режь, но, отмерив, не карай
Ржаной земельный каравай.

Свобода выстоит в толпе
По холодку, а не в тепле.
Ты упадешь к ее ногам,
Не послужив другим богам.

ДЕНЬ

Между Марфой и Марией
День проходит, день стоит.
Рим стоит Иерусалимом
В подытоженной тени.

Тень не пожалела краски,
Краски яркой, голубой.
Полыхают солнцем каски,
Только сборы не на бой.

День стоит и день проходит,
Впереди меловый склон,
И молва живет в народе,
Как в толпе беззвучный стон.

Между Марфой и Марией
Вылеплена взглядом жизнь.
Все дороги ведут к Риму,
Путь обратно покажи.

НЕГАТИВ

Седая тень на ярких тополях
Как негатив в начальный день июня.
Белеет куртки темная пола —
Так ветер световой без пыли дунул.

В компании седых теней
Светло мне, как в меловой шахте.
В отходе от бессмысленных затей
Осталось не гулять, а шастать.

Прошьет крестами канитель
Зеленую парчу тем паче.
Тот видит четче праздничную цель,
Кто, как иконы, синей краской плачет.

Садится Троица вокруг общего стола,
Склоняет головы в едином вздохе.
Обратной перспективы простота
Всё ближе в отдалении подходит.

ВОЛКИ

Вы в пакибытии, и лица полустерты,
Но проявляются опять без суеты.
Так камень мрамора издревле стесан,
Чтобы белеть с орлиной высоты.

Скажи мне, друг, как звон планеты долог?
Она летит, но будто бы течет.
Как камень нас житейский точит голод
И чаемых планет — наперечет.

Мы смотрим вверх, нам свет глаза питает,
И кровью наполняется язык.
Подобно заполярной волчьей стае,
Не потеряем дух завьюженной стези.

Мы волки, вечный Рим свидетель;
Но в зеркале томится человек.
Как Маугли, растут под лапой дети,
Чтоб перенять наш заполярный бег.

КАЛУГА

1

Освободились краски от предметов,
Чтобы вернуться к ним навеселе,
И набекрень теперь надеты,
Кутит так первый парень на селе.

Но это не село, а точный город,
Он гувернер и приведет домой.
Кручина что? Она тебе не горе, —
Как шапку, перед папертью — долой.

Москва — Луна, Калуга — Марс,
Ноль массы в равновесии простом.
Склоняется звезда, как мать,
Над белоногим Каменным мостом.

2

Пролетал без крыльев Циолковский,
Простывало молоко в горшках.
Было на звезде изрядно скользко,
Делу время в старческих шагах.

Федор от Калуги до Козельска
Вымерял слова как землемер.
Время лечит, хоть бывает тесно,
Если что-то сразу не успел.

Ржавчина благословляет крыши,
В воздухе чернеет точный шпиль.
Говори на лестнице потише,
Длится над Окой небесный штиль.

Тенью крался кто по этим лавкам?
Нос или пропавшие очки?
Лацкан лаковым литьем заласкан,
Ото сна повторного очнись.

Звук исходит, как народ со службы,
Путь его ни узок, ни широк.
Может путь быть и потуже сужен,
Если на него ступил игрок.

В люди выйти проще без кольчуги,
Взглянут с трезвой радостью дома.
Место есть покойное в Калуге
Для души, но больше для ума.

След Эриния без срока потеряла,
Ищет пусть, пока передохну.
В трех минутах я живу от театра
И смотрю сквозь стены на Оку.

СМОЛЕНСК

Собор как море. Окна великаны,
Прохлада от волны и цвет.
Здесь великанам жить, величие не канет,
И на версту отходит суета сует.

Мы едем под откос. Но это неопасно,
Наоборот, пристанище для нас.
Здесь рядом исполинские пилястры
И пущенный под гору мшистый сад.

Смеется башня смехом молодым,
В ней замурована красивейшая дева.
Что приключилось с этими людьми?
Знать, во главе угла стояло дело.

Когда шли пешие и конные полки
И город поднимал навстречу землю,
В нее вращались звонкие клинки
И высекалась, как из камня, смелость.

Теперь она остывшая стоит,
Дает строй сердцу и огню прохладу.
И окружает синий аконит
Смоленска неприступную награду.

***

Срастались в поцелуе, рвали плоть,
Как рвут неугодившую бумагу.
Гудела полость, птичья кость
На перистом крутом замахе.

Лететь над морем не перелететь,
Там корабли сидят, как чайки.
Так проходила уйма лет,
Не закипал подолгу чайник.

И камни морщили воловьи лбы,
Одну лишь мысль переживая:
Так быть тому или не быть,
Что мы как рану зажимали.

РОДИНЫ

В проеме неизвестности стоит
И радости моей не оставляет.
В четыре пальца мать моя свистит,
Снежинка в ее голосе не тает.

Мне неизвестность в пору, как пальто,
Как будто напоследок обнимает.
Я выхожу, чтоб получить за то
Салют в окне и крик истошный мамы.

Что можно из утробы сохранить,
Опричь в ноябрь пущенного тела?
Из пуповины истекают сны,
И перспектива глаза запотела.

Не надо то и это предрекать,
Прозрений миру этому не надо.
Разборчиво оттиснута печать
И курят ладан певческие гланды.

ТЕССЕРА

Иван-то Грозный, белый коридор,
Поют, как камни, профили Египта.
Непроходим листвою кипящий двор,
Сквозь стены дышит двухголосье крипта.

С волками жить, по-римски, знамо, выть,
Но знаменный распев живет, как знамя.
Ты сиднем не сиди, попробуй выдь!
Веди грешки, как ляхов вел Сусанин.

История не взбалмошный гротеск,
Она мозаика. Довольствуюсь тем цветом,
Который только мой в сюжетах стен,
Моя тессера там стоит на месте.

III
ПОЭМЫ

ВТОРОЕ ЦВЕТЕНИЕ ОДУВАНЧИКОВ

1

Сферы набежавших одуванчиков —
Бледных сонмище планет.
Тут пропавшего воланчика
Невесомо стынет след.

Пружит воздух лета шелковый,
Голубой темнеет шелк,
Детские опали локоны,
Клювом ножницы щелк-щелк.

В небе звон стоит кузнечиков,
А трава замкнула тишь,
Обломился стебель млечный.
Пух летает выше крыш.

Я в саду живой утопленник,
Как коралл дыщу в волне,
На дыбы поднято облако
В звездной лопухов войне.

Этот мальчик в неподвижности
Озирается блаженно,
В одуванчик в силу книжности
Превратился он, наверно.

2

Нам засветили непроявленное небо,
Когда остановили на мосту,
Быль превратили махом в небыль,
А значит, так и быть тому.

А значит — жить, забыть надежды,
Проявленные до ржавых облаков,
И у костра с младенческой одеждой
Избавиться от прошлого оков;

Чтоб выйти из того музея,
Где чаши наполняет Ганимед,
На голове Медузы змеи
Лишь глянут мне печально вслед.

Но мир не пустит за свои пределы,
Как раскрутившаяся карусель.
Ты помнишь, как полки редели
Двойные пижмы? Я ведь — окосел;

И мир двойной мне восполнял разлуку
С моих героев томной чередой.
Там запустение пророчило разруху
И фею звали Иоландой Далидой.

Шумели волны там с венчальным звоном,
И застил ветер веки как фатой,
И Сталкер выходил из Зоны,
Чуть фатоватый, но такой простой.

Потом у столиков мы стоя пили
Из бездны поднятый портвейн,
И как мультфильмы небыли и были
Мелькали. Так учил Марк Твен.

Нам с выходов открыты были входы,
И прыгал, как Петрушка, Пьер Решар,
Там брюзгли скорбно щеки у народа,
Как после утренника сдутый шар.

3

Асфальт набежал на небо,
Нет, это небо набежало на асфальт.
Пожитки собирает Геба,
Но ждет ее опять фальстарт.

Меня похоронили в этом мире
И завернули в пейзаж,
В мечтах я шел к горам Памира
И наконец включил форсаж.

Герою Хэма так Килиманджаро
В предсмертном грезилась бреду.
Меня тут, кажется, дожали,
И я вспорхнул на горную грядку.

Устал игру переживать как горе,
Сегодня так, а завтра полный швах,
Пускай отсюда мне не видно моря,
Зато понятно, как мне ставят шах.

Стволы цвета земли,
Земля цвета стволов,
Листва цвета змеи,
Змея цвета цветов.

4

Ее я обнял крепко-крепко,
Исторгся звонкий детский смех.
И вытянула мышка репку,
Разбавился дождями грех.

Грозовая сирень прямо рядом
С нетронутым небом,
С тучами, запущенным садом
И телом белым.

5

Лай, собака, лай всю ночь,
Можешь только ты помочь
В этом одиноком гнете
На пространной сиплой ноте.

Я блаженствовал в ночи
Без созвездий, без свечи,
Когда лаяла собака
И комар над ухом плакал.

Пронзило одиночество,
Врожденное, как отчество.
Качнулись облака качели
Без всякой очевидной цели.

Рябина яркая березы,
Кума-лиса и сказочный медведь,
Здесь — память давешней занозы,
И серебро, и олово, и медь.

И журавель, как снасть, скрипучий,
И Палеха глубинный лак,
Здесь кружева слезливой пущи
И теплый у губы кулак.

И лодка, пахнувшая краской,
И лилий сочные пласты,
Здесь в зеркальце небесном ряска,
Песчанники, что в зной пусты.

6

Река вскипает, набегая
На жаркий утренний песок.
Так на него легла Даная,
Соски, как загустевший воск.

Ее вносил я мерно в воду —
Скользила плотно, как дельфин.
Прошли предсказанные годы,
Я Ленина ей томик подарил.

Густело небо, как плавник дельфина,
Даная прыгала с борта.
Долина без горы? Гора ли без долины?
Я много о таком болтал.

И снизошел дождь золотой, как осень,
Червонцами звенела даль,
Испуганно подрагивала просинь,
И тронулись ворота как ладья.

7

Дуэль двух занавесок на окне.
Всё как положено: утро, снег;
Но выстрел медлится вовек,
К тому же пистолет у третьего в руке.

И тот — игрушечный. Надежды нет,
Она ушла, похоже, за картошкой.
Мне без нее немного тошно,
Хотя я в поединке занавесок не задет.

Во тьме горит один фонарь,
Его не погасил Уильям Блейк.
Под окнами стоит январь
Как одинокий человек.

В крови загадки древних рун,
В ночи молчанье ржавых струн.
Нас учит правильно взростеть
Таблица Брадиса и смерть.

8

У шиповника пересохли губы,
Над лесом сверкнули медные трубы
В руках из потусторонних рубях,
В сиреневых тонких губах.

Целует так нежно шиповник
В уста на каникулах школьник.
Он любит какую-то Катю.
Песок на дороге как скатерть

Свисает за улицы край.
Любимая Катя, икай,
Глотай родниковую воду,
Ведь дар безразличным — свобода.

Устал жевать сухой бисквит,
Кидали ветви капли на карниз.
Я вверх по лестнице, ведущей вниз,
Ступал, когда явился Венедикт.

Из-под стола я слышал рай,
Как по ночам собачий лай.
Сидел ты долго пред стаканом,
Не замечая таракана.

На улицах Владимира
Огни не подводили нас;
Но Кольский полуостров
Поднял тебя и бросил.

Уехал ты на электричках
В тот город, где цветет жасмин.
Теперь толкуют истерички
О букве Ю, сто лет не нужной им.

Прицокивают ею как конфеткой,
Удержанной у мальчика того,
Официозные нимфетки,
Выпячивая моветон.

Но что до них? Они ведь тоже смертны,
Как все вокруг. Как я, как раньше ты.
Но если ступят на маршруты мести,
Их не затащишь в соловьиные кусты.

Ты надевал на босу ногу
Ботинки, трогаясь в дорогу.
Дорогу в даль и в никуда,
Туда, где пиво и вода.

Ты потерял у лавочки улыбку,
Не ты ее — она тебя нашла.
Тебя похитили, как скрипку,
И весь оркестр замолчал.

10

Иду в молчании оркестра,
Цветут развалины окрест.
И выхожу я на оркестру...
Но в амфитеатре — нету мест!

Их просто нет, в разоре камни,
Лишь небо просится на роль.
Твой монолог вовек не канет,
Как в море не потонет соль.

Ты — Одиссей, ты вдруг вернулся
И медлишь тихо во дворе,
Как будто только что проснулся
И денег не нашел в дыре.

Но ты ведь царь, вокруг твоя Итака,
И Пенелопа помнит букву Ю.
Итак, входи, твой пес уже заплакал
И лег покорно в тень твою.

КРАЙ

1

Ты спрятался в груди
Как подо льдом,
И кровь твоя гудит
Под каблуком.

Смерть по-весеннему легка
У наших мужиков, —
Ее не отогнать,
Как голубых жуков.

Ты лег на дно
И дал зарок.
Стоял холодный дом,
Сновал зверек,

Раскосый горноста́й,
Вдруг спрыгнувший с картины.
Ты набело листай
Пушистые куртины

Березовых страниц,
Гладь корешки соснового сафьяна,
Из дымчатого Оренбурга выпускай куниц
Туда, где зиждутся пологие Саяны,

Чтоб гвалтом птичьим зазвенела грудь
И в щель смотрело небо, как из книги,
В том долгом сне ты все же — будь,
Хоть неизбежно яви иго.

Всё тихо под рукой, но выше гул
Метели, вырвавшейся с песней,
С молитвой дикой. Ты — загнул!
И расплзлось узорье леса.

Я падаю как онемевший ствол,
За гнезда вилами хватаюсь.
На голове остался пересол,
А недосол в следах растает.
Я падаю, как вплавь — рывками.

К зенице ока приближается земля,
Я лбом к ней жилистым приникну.
Окрест собак дворовых зля,
Суровую кусаю нитку,

Которой мой мешок защит,
В нем пахнет лоном и берлогой;
Я поднимаю погребенный щит
Над каменной волной отрога.

Мне думать холодно и жарко говорить,
Мне виден мир, как через щель свобода,
И рана проруби синее и горит
В заиндевелой бороде обвода.

О чем тревога и забота?
Пусть то, что трогало, забыто.
Как окна, даль гвоздем забита,
Жива там в подполе зевота.

Ты помнишь вытекшей зимой той,
Как обещался всю работу
Закончить до страстной субботы?
Стоят замшелые кивоты.

Стоит тесьмой для взлета вертикаль,
В ней пузырьки снуются,
По ней холодный сок стекал
В сверлящем родника уюте.

О тесные мои врата,
Вы заросли акацией и вьюгой,
И по следам стоит вода,
А я горжусь своей подругой.

Я так горжусь всем тем, что подошло,
Что подступило к самому дыханью.
Кому-то станет очень хорошо,
Кому-то станет высоко за далью.

«Мне стало высоко!» — он скажет изнутри,
Сползет с тисков болезни одеяло.
Опять то вены изнурит,
Что никогда нам не надоедало.

4

Саяны то зовут,
Байкал...
Зовет к себе сову
Баклан.
И тетерев зовет
На клюквенном току,

И тетива поет
На шелковом скаку.
Из кожи лезет вон
Парчовая змея.
В ушах прижился звон,
Душа моя.
Ты рыба голубая
Среди звезд,
Там лунный волк глодает
Сахарный утес.

5

Стоял холодный дом,
Простуженный балкон.
И поднималось дно
Сырым белком.

Вошла в меня зазноба,
Я — старый дом,
И снег ползет с забора
В десятый том.

6

Обменялись тенями,
Навсегда разошлись.
Берегли между снами,
Крепко память зашив.

Чтобы слезы завьюжить,
И огонь растолочь,
И — чтоб юбка поуже,
И теснее чтоб ночь.

В лоне липкого снега,
В золотой тесноте
Я лежал, как омега,
На упавшей версте.

7

Бьет молот с пылу с жару
В дождливый гвоздь,
Вбивает в душу жало,
Как в небо ось.

Пространство вяжут вышки,
Но в буреломе — лаз,
И почернели вишни
Любимых глаз.

Входила невидимкой
В янтарный клей,
И вяжет пальцы дымкой.
Так что ж... Окей!

Я не доплыл два шага
И сердце прочь.
Молчит моя ватага,
Мне не помочь.

Заснул я над дворами,
Завернутый в ковер,
Неузнанный ворами
В глуби камор.

Я превратился в сердце
В тугих узлах,
Из крови детство светит
Сквозь копоть зла.

8

Паром на зиму вмерз,
Кормушка и чертог,
В камыш стеклянный врос,
Не чует зашлых ног.
Нырнуло сердце глубже
Венозных облаков,
Слюду сглотнули лужи,
Пустой улов.
Но рыба в белых перьях
Витых комет
Глаза рубином вперит,
Влетев ко мне.

9

Утроба хлебная колодца
И шепота полуденного звон.
Всё это между струн аккорда,
Всё это лодок гулкий сон.

Замлела пробкой древесина,
Вода как синее вино,
Как будто шелковой красильни
Сочится сточное цевье.

Волну, как на торгу, толкает
С оттяжкой ветер разбитной,
И листья начерно лакают
Губой подбитой и литой.

А ты — внутри, ты смотришь навзничь
И ждешь от прошлого наград.
Помимо боли, мимо казни
Посыпался в ладони клад,

Как в царскосельский сумрак ода,
Как будто бы прикормка в воду
Сквозь пальцы мелистым пшеном.
Гляжусь туда, не зная броду,
И — плащ-палатки капюшон.

Сквозь пальцы тонкие метели
Пройдут, как сквозь ажурный лед,
На кухне заморгает телик,
Глотая силуэты мод.

Кипит вино на перекате,
Взлетают к свету пузырьки.
Кудрявы ивы и покаты
По линии сырой зари.

Шелка обрезками стекают,
Змеятся, вышивая тень,
И тишь речная не стихает
В дрожалой облаков воде.

Я замурован сам в себе,
Залеплен по себе, зациклен.
Сибирь сидит в своем седле,
Ждет мига, когда птицы стихнут.

Здесь, на границе, встал старик,
Торчит витое кнутовище.
Он охраняет материк,
И ветер под ладонью свищет.

Морщины на его челе
Тугие, как коры изрезы,
Затеплилась заря в челне
За кедрача пологой бездной.

Вдвоем за филином летим,
Он путь наш полуночный правит.
Мы снегом скорым утолим
Сквозные звездчатые раны.

В разломах голубых перин
Таятся наши колыбели,
Над ними мы вдвоем парим,
И темноту качают ели.

Всё это наш подлунный мир,
Мир перекрестного бурана,
И посвист перелетных лир
Как звон стеклянного бурьяна.

11

Мне дождь в глаза,
Молчит гроза,
Чернеет лапой в поднебесье.
В себя вползал,
Себе грозя,
С кровати руку низко свесив.
Московский снег,
Он ветки всех
Деревьев и кустов бинтует.
Промокший след
Клеймом просел,
Как отсыревший мех, бытует.
Я слышу звон,
Так где же он?
Левее чуть опорной точки.
В миноре зло
Суровых жен,
Запястий нежных оторочки.

12

Провисли окна на деревьях,
Наш праздник горбится впотьмах,
Но помнят бывшие деревни
Ножей предпраздничный замах.

Всяк праздник омрачен сначала,
В преддверье страшен он и глух,
Но ты его всегда встречаешь,
Как дети новую игру.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПЕРВЫЙ БЫТ

ПЕРВЫЙ БЫТ	6
УЖИН	7
ПРОШЛОЕ ВИНО	8
«Ребячливый азарт смерти...»	9
КРАЙ («У самых Райских Врат...»)	10
ПРЯМОХОЖДЕНИЕ	11
1. «Вылезает из улья...»	11
2. «Глубина, как гамак...»	12
3. «Только бронзовый век...»	12
ЛАНЬ	14
КОРИФЕЙ	15
ОЛОФЕРН	16
ПРОСОДИЯ	17
ЛЕШИЙ	18
ЖЕРТВА	19
«В серии ЖЗЛ А. Кони...»	20
МАНДЕЛЬШТАМУ	21
«Нас вынесет к немным берегам...»	22
«Страсть изнуряет, падает звезда...»	23
РЫВОК	24
МОКРАЯ УБОРКА	25
1. «Мокрая уборка...»	25
2. «Сочинял Губанов...»	26
ОТВЕТ ПО ТЕЛЕФОНУ	28
КАМЕНЬ	29
«Казались все твоими масками...»	30
ВАСИЛИСК	31
«Святое женское упрямство...»	32
УЖАСЫ И ЧУДЕСА	34
«В который раз несправедливость...»	35
«Открылась дверь со скрипом струнным...»	37
«Ты гость не то чтобы желанный...»	38
ПОБЕГ С ЛУНЫ	39

ПЕРВЫЙ СНЕГ	40
ПРИЗРАК	41
ДАЛЬНЯЯ КОМНАТА	42
ЦИФРА ДНЯ	43
«Алмазная икра сверкает пресной солью...»	45
ПЛОТЬ	46
1. «Тот принц на белом скакуне...»	46
2. «Иду я по дверному скрипу...»	46
3. «Вспоминается быль, как икона...»	47
4. «Поднимаю жизнь над лесом...»	48
ПОБЕДА	50
ОТПЛЫТИЕ	51
«Память пахнет краснодарским чаем...»	52
ГОЛОС	53
1. «Вскрывает музыка воздух...»	53
2. «Я целую твои больные ноги...»	53
«Сияет колотый десерт...»	55
БРОНЗОВЫЙ РАССВЕТ	56
ВИЗАНТИЯ	57
«Терракотовые свечи...»	58
ПАМЯТЬ	59
1. «В черном яде ноября...»	59
2. «С бабушкой бежали за руку...»	60
3. «Химическим карандашом...»	60
4. «Любовь как лекарство от смерти...»	61
5. «Интонация неба...»	61
ВТОРОЕ ЛИЦО	63
1. «До будущего остается час...»	63
2. «Мне дорога к другим тополям...»	63
3. «Между синим и зеленым...»	64
4. «Таинственно расправить ноги...»	64
5. «Второго нет теперь лица...»	65
6. ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ	66
АРХИЛОХ	67
ХИМЕРА	68
БРЕШЬ	70
1. «Как Командор ушел, прошли века...»	70

2. «Отмирающее детство...»	70
3. «Думал, что — вперед ногами...»	71
4. «Я прожил жизнь на линии метро...»	71
5. «Небо оттолкнулось от асфальта...»	72
6. «Пришла пора для заклинаний...»	72
7.«Я ушел от тебя в метафору...»	73
ХРОНОС	74
1. «Ты прошлого хотел? Бери в избытке...»	74
2. «Нет у чудовищ недостатков...»	74
3. «Жить, жить, не замечая...»	75
4. «Толкутся тени на пороге...»	75
5. КРЕМЛЬ	76
6. «Бесправные хождения на обед...»	77
«Ты шкаф открыл...»	79
«Уходишь в отражение куполов...»	80
«Ради слова, радиола...»	81
ЗВЕЗДА	82
1. «На краю скольжу тысячелетия...»	82
2. «Так что еще? Битлз, Бродский?..»	82
3. «Смой с зеркала мои черты...»	83
МОЛЧАНИЕ	85
ИЮНЬ	86
«Запряталась зима за щелью...»	87
БУДУЩЕЕ	88
ЖАСМИН	89
МАТЕРИ	91
«Жизнь стекленеет и звенит...»	92

II. ИМЯ РЕКИ

ИМЯ РЕКИ	94
СВИДАНИЕ	95
1. «Отслаивается цвет от листьев...»	95
2. «Деревья стали цвета хаки...»	95
3. «Ветви холод в самую жару...»	96
4. «Пасьянс не получился окон...»	96
5. «И крылья ласточек на ветках проросли...»	97

6. «Корабли плывут на водопой...»	97
7. «Отцветает небо и пыльца...»	98
8. ГРОЗА	99
9. «Холодная краска над домом...»	99
«И зеркало, и стол, и беспокойный блик канала...»	101
«Ты долго резал волны из опала...»	102
АХИЛЛ	103
СЕНТЯБРЬ	104
«Он любил пить этот воздух...»	105
«Москва, мой друг, безлюдный город...»	106
«Одинокие следы Цветаевой...»	107
КАНАТОХОДЕЦ	108
МОРСКОЙ КОНЕК	109
КОЛИЗЕЙ	110
«Затруднено дыхание реки...»	111
«Отчего это произошло...»	112
ДЕКАБРЬ	113
1. «Втыкается рыба-меч в борт корабля...»	113
2. «Непоместимость звука Листа...»	113
«Такой накидки кружевной...»	114
ПОГОНЯ	115
ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА	117
РОЖДЕСТВО	118
ПЕГАС	119
ВИНИЛ	120
ГЛУШЬ	121
«Огни из темноты цветут...»	122
ЛЕГКОСТЬ	123
«Вывозит снег из-под моста...»	124
«Хрустальное дыхание. Подушка...»	125
«Молчит река, стоят деревья...»	126
«Туча стоит, крыша плывет...»	127
МИМОЗА	128
И.Б. («Увел от солнечной скалы...»)	129
ДВОРОВЫЙ ИКАР	131
КЛЮЧИ	132
ЗВЕРЕВ	133

СТОЛЕТНИК	134
ПЕТУХ	135
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	136
ВОЗДУШНЫЙ МАЯК	137
«Недосягаемое лето...»	138
АКТЕОН	139
ИОВ	140
ПРИСТАНИЩЕ	141
«Цветные огни заменяют людей...»	142
ЛИЛИТ	143
N («Там недолюбленное поле...»)	144
ТАТЬЯНЕ ДОРОШЕНКО В МОЙ ЮБИЛЕЙ	146
ЗАБВЕНИЕ	147
СМОЛА	148
ИКАР	149
«Он заблудился в небесах...»	151
«Сангинный пролесок, как пальцем...»	152
БИРЮЗА	153
«Как цвет зажигается в цвете...»	154
ПОЛОВЧАНКА	155
«Полудвижение души...»	156
НА ГУБЕ	157
КНИГА	158
ДРЕВНИЕ ОГНИ	159
ГАЛКИ	160
«Промокшее до нитки поле...»	161
СКОЛ	162
«Задышал кирпич. Он первым задышал...»	163
«Начать с конца и подтянуть...»	164
«Точат миро доски на заборе...»	165
ДУЭЛЬ	166
ПРИЗЫВ	167
АГОНИЯ ГЕОРГИНЫ	168
КИТАЙСКИЕ БАБОЧКИ	170
СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ	171
ПОД ТЕНТОМ	172
КАУЧУК	173

ДЫРА	174
БУКВА	175
КОЛЫБЕЛЬНАЯ К РАДОСТИ	176
ЦВЕТЕНИЕ	177
ВЕСЕННИЙ ЗВЕРЬ	178
СУДЬБА	179
ШКОЛА БАБОЧКИ	180
ПАСХА	181
ПАМЯТИ ВЛАДИСЛАВА НИЗОВА	182
ЭПИТАФИЯ	183
ЧЕЛОВЕК	184
ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА	185
ФОМА	186
ПРАДЕД	187
ГОРДОСТЬ	188
«У собственного памятника я...»	189
«Вторая Речка не черна...»	190
ДЕНЬ	191
НЕГАТИВ	192
ВОЛКИ	193
КАЛУГА	194
1. «Освободились краски от предметов...»	194
2. «Пролетал без крыльев Циолковский...»	194
СМОЛЕНСК	196
«Срастались в поцелуе, рвали плоть...»	197
РОДИНЫ	198
ТЕССЕРА	199

III ПОЭМЫ

ВТОРОЕ ЦВЕТЕНИЕ ОДУВАНЧИКОВ	201
КРАЙ	209

Литературно-художественное издание

Емельян Марков

ДАЛЬНЯЯ КОМНАТА

Корректор — Т. А. Маркова

Вёрстка — М. О. Горшков

Подп. в печать 4.08.2023. Усл. печ. л. 13.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Liberation Serif. Формат 60×84/16.

Издательство «Летний сад».

Москва, ул. Даниловский вал, 13А.

www.letsad.org. E-mail: letsad@mail.ru

Книга отпечатана в мастерской

им. Геннадия Фадеева.

Москва, ул. Даниловский вал, 13А.